АКТУАЛЬНАЯ

ТЕМА

СУДЬБА ИМПЕРИИ

Русский взгляд
на европейскую
цивилизацию

Дмитрий

КУЛИКОВ

Тимофей

Искандер

СЕРГЕЙЦЕВ ВАЛИТОВ

Дмитрий Куликов
Искандер Валитов
Тимофей Сергейцев
**Судьба империи. Русский взгляд
на европейскую цивилизацию**
Серия «Актуальная тема»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17859057
*Судьба империи. Русский взгляд на европейскую цивилизацию / Дмитрий Куликов, Тимофей
Сергейцев, Искандер Валитов.: Издательство «Э»; Москва; 2016
ISBN 978-5-699-87257-2*

Аннотация

Кто такие современные русские как политическая нация? Каковы идеологические основы современного русского государства? Какие решения нам нужно найти и, главное, как и где их искать?

Эта книга представляет собой русский взгляд на историю европейской цивилизации, на Россию и нас самих как безусловных и ключевых участников этой истории, ответственных за ее судьбу, за ее будущее.

Авторы книги работают вместе уже более четверти века, и эта книга является результатом их многолетних размышлений и дискуссий, их подлинного совместного творчества. Это историки, философы, эксперты геополитики, члены Зиновьевского клуба МИА «Россия Сегодня» Дмитрий Куликов, Тимофей Сергейцев и Искандер Валитов.

Содержание

Глава 1	5
Знание своей Судьбы	6
О «конце Истории»	8
Об оптимизме	9
О конструировании Истории	10
На основной магистрали	12
Постмарксистский взгляд на историю	14
Часть 1	16
Глава 1	16
Кризис либерально-демократической веры	16
Христианская революция	18
Кризис западного христианства	19
Наука и идеология: расставание с Богом	20
Просвещение: от Человека к индивиду. Торжество светской веры	22
«Западники» и «славянофилы»: бессмысленный спор	24
Глава 2	25
Идея истории	27
Посылы Бытия	28
Наше происхождение	29
Основания европейского проекта	31
Принцип исторического синтеза	33
Глава 3	35
Государство европейского типа	36
Русское государство и его враги	37
Корни русофобии	39
Семейный союз народов	40
Глава 4	42
Суть буржуазной революции	42
Революция как событие мышления	44
Революция и контрреволюция	46
Государство и революция	48
Мировая буржуазная революция	49
Конец ознакомительного фрагмента.	51

**Дмитрий Куликов, Тимофей
Сергейцев, Искандер Валитов
Судьба империи. Русский взгляд
на европейскую цивилизацию**

© Т. Сергейцев, И. Валитов, Д. Куликов, 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Глава 1

Русский урок истории

Тимофей Сергейцев, Искандер Валитов, Дмитрий Куликов

Западному обывателю приятно считать «русский вопрос» уже решенным. Нет русских – и нет больше никакой России. Наконец-то... Ликвидация северного монстра (нас с вами) из стратегической задачи политиков превратилась в тактическую цель западного бизнеса.

Предполагается, что, как и двадцать лет назад, мы все сделаем сами, своими руками. Сами доразворуем, отдадим, сдадимся на милость победителя. Далее – хаос из десятков карликовых демократий, который должен стать источником еды для пусть и уставших, но «цивилизованных» западных стран, а также жерновами для перемальвания уже органической составляющей России – многоэтнической имперской нации русской культуры, то есть собственно русского народа.

Этого хватит, чтобы занять Западную Европу освоением наших останков на ближайшие двадцать лет. Ведь США нужно что-то дать континентальному Западу. И не допустить объединения Старого Света в целом, не допустить перезапуска материнской цивилизации. Этот проект давно переключался из высоких кабинетов и закулился в подстрочник и «подразумеваемое» общенародного западного демократического дискурса.

Это общий знаменатель всех западных избирательных программ, главное политическое обещание США XXI века: с русскими покончено, они уже не поднимутся.

Так ли это? Ответ на этот вопрос зависит от нас, от нашего исторического самоопределения. По-гамлетовски: быть или не быть...

То, что для западного обывателя – заблуждение, для нас, прежде всего, обман. Обманывают, когда не могут взять силой и когда клиент «сам обманываться рад» – что будет «дружба», что мы будем «как все», что будет «изобилие». Что все, что мы до этого считали правдой (вполне обоснованно), – неправда. И наоборот. Что у нас будет все и ничего нам за это не будет. И делать ничего не придется – только поверить.

Раньше ложь была предметом разбора для многочисленных государственных учреждений, назначенных разоблачать «буржуазную фальсификацию истории». И они свою работу худо-бедно делали. Однако что для ученого аргумент, для обывателя – ничто.

И дело не только в уровне грамотности. Мы были самой образованной, в том числе и политически, страной в мире. Однако когда наш собственный красный царь – генеральный секретарь и первый и последний президент – ложь не только повторил, но и «безжалостно усилил», довел до предельно простых и общих, понятных формулировок, сделал дискурсом нации, вот тут выяснилось, что остановить его некому и нечем. Официальная «наука» ничего не смогла противопоставить этой лжи. Да и что может сказать давно уже не наука, не философия, а «экспертиза», сервис, выполняющий заказ? Но и в «андерграунде» мыслителей не оказалось. Все бросились работать на «перестройку» и «демократизацию», искренне и честно, так же, как сейчас на «рынок», «собственность», «экономику».

Обман, как известно, наиболее эффективен и побеждает там, где у обманутого в принципе не было и не могло быть своего знания, понимания сути происходящего с ним.

Знание своей Судьбы

Что должно запустить наш иммунитет против этой лжи? Что мы должны понимать, чтобы выстоять сейчас и стать лидерами в будущем? Ответ очевиден: нам необходимо знание о самих себе, о своей судьбе, своем историческом пути. Кто потерял себя – потеряет все, свою страну в первую очередь.

Сегодняшний кризис затронул не только стратегические цели. Дело не в том, что нет внятных ответов на вопрос «что делать?». Ситуация хуже: мы уже не знаем, кто мы есть. Потеряна логика жизни, ее целостный образ. Достоинство, самоуважение – чувства, которые мы переживаем, когда идем по начертанному пути, чувства, которых нам сегодня очень не хватает. Единый учебник истории, который никак не может появиться на свет, именно для того и нужен.

Разрушена картина мира, в которой мы могли бы увидеть себя и свой путь. Представление о том, что мы живем в «новой России», есть, по сути, отказ от судьбы как таковой, а следовательно, и от своей человечности. За словами о «новой России» нет никакой определенности, а значит, не может и быть вектора воли, энергии исторического действия.

В прошедшем столетии мы дважды испытывали на собственной шкуре, что такое разрыв преемственности как живой исторической памяти, так и историософии – в 1917–1921 годах и 1985–1991 годах. Так что можно уже и не вспомнить, кто мы такие и откуда. Этого нельзя допустить, это и есть реальная гибель. Мы обязаны опомниться, сшить разорванную ткань нашей исторической судьбы.

Сделать это механически, формально невозможно. А главное, это не даст ответа на вопрос «что делать?». Нужно нащупать внутреннюю логику нашей судьбы, вновь вспомнить/помыслить себя – без перерывов и изъятий. Идущих по своему пути и потому существующих. Которые есть и будут.

Знание собственного пути необходимо для того, чтобы иметь возможность двигаться. Знать свою судьбу и означает, что в каждый данный момент в любых обстоятельствах можно определиться и поставить цели действия. Образ судьбы направляет нашу активность. Цели – это уже момент технический. Можно достигать целей, ставить новые – но внутри определенного образа пути, внутри наших усилий и стараний воплотить образ судьбы.

Сегодня сама постановка вопроса о собственном пути России наталкивается на яростное сопротивление всех ее внешних и внутренних врагов. Отрицается необходимость творческого, проектного отношения к человеческой жизни. Отрицается, что жизнь может и должна иметь свой замысел, свое назначение, свой план. В последнее двадцатилетие часто можно было слышать призывы: «Давайте наконец просто жить», «Жить можно и тихими радостями», «Хватит мучить себя великими целями» и т. п.

Ничто не ново под луной... Еще в позапрошлом веке А. П. Чехов в письме Суворину (от 3 декабря 1892 г.) писал по поводу идеологии «жить для жизни»: «Это философия отчаяния. Кто искренне думает, что высшие и отдаленные цели человеку нужны так же мало, как корове, что в этих целях «вся наша беда», тому остается кушать, пить, спать или, когда это надоест, разбежаться и хватить лбом об угол сундука».

Бессмысленная в полном смысле слова жизнь человека – без сверхзадач и идеальных установок – скучна, никчемна и подлинной человеческой жизнью не является. Человеческая жизнь больше, чем биологическое существование. Жизнь вне горизонтов идеального – путь к расчеловечиванию и неизбежному вырождению. Это верно как для отдельного человека, так и для народа, для политической нации в целом.

У каждого народа, у каждой нации так же, как и у человека, есть своя Судьба. Свой «многопоколенный» цикл от рождения до смерти. Судьба – это задание: что мы все вместе,

все поколения должны совершить – сделать вовне, сделать из себя. Знание о судьбе объективно и должно существовать независимо от конкретных людей. В головах же отдельных личностей это задание может присутствовать какими-то частями, аспектами, фрагментами. Но важно, чтобы оно было в том или ином виде, важно личное отношение к этому предназначению, прикрепление к нему. Отношение к своей судьбе не может быть нейтральным, как к солнцу, которое восходит и заходит.

Знание своей судьбы до тех пор, пока оно присутствует в жизни народов и политических наций, позволяет им сохраниться. Им есть что защищать по самому большому счету: свою мечту, свое предназначение, возможность прожить собственную, а не чужую жизнь. Это и есть основа солидарности ныне живущих с предками, с потомками. Для отдельного человека судьба народа и нации – тот предельный объем жизни, в котором он может мыслить себя участником. То, что задает ему уровень личностного становления: что он возьмет на себя – в рамках заданной исторической судьбы. Поэтому очень важно, чтобы смысл нашей судьбы был явлен с той степенью ясности, которая возможна сегодня.

Усилие понять свою судьбу направлено не столько на обстоятельства своего рождения и на материальную составляющую жизни, сколько на то, в чем мы участвуем и в качестве кого. Что нам предстоит сделать, что мы можем и должны взять на себя. То есть полагание своего пути – это не произвол, не вымысел, не фантазия.

Судьба опознается как должное. Вот такой вроде бы парадокс: с одной стороны, это бесспорно творческий акт – никто вроде бы нам приказы сверху не спускает, мы сами в меру своего понимания и воображения полагаем себя и свою судьбу. А с другой, мы относимся к этому как к должному. Исходим из того, что не только мы являемся авторами своей судьбы. Есть еще и Тот, перед кем придется держать ответ как за свое понимание/непонимание, так и за исполнение задания, которое мы должны свободно принять. Свободно, потому что мы вольны и уклониться от него. Хотя лучше этого не делать.

Свобода заключается в том, чтобы понять свою судьбу и подчиниться ей вопреки обстоятельствам и соблазнам. Свобода – в следовании своему пути. Свобода в том, чтобы быть тем, кем – в соответствии с пониманием (откровением) – начертано. Поэтому полагание пути есть одновременно и полагание себя, решение подчиниться судьбе, решение быть кем-то определенным. Это гибкость и свобода в выборе действий, в тактике и, может, даже в стратегии, но одновременно это фиксация себя и подчинение Его воле. Это определение констант своего существования.

Помогать нам в историческом самоопределении никто не будет. Наивно было думать, что Запад протянет нам руку – навстречу протянутой нами. Запад, возглавляемый США, имеет единственную историческую задачу в отношении нас – колонизация и подчинение. Эту задачу не решить без радикальной системной деградации нашего социума и территории – культурной, хозяйственной, гуманитарной. А для этого, прежде всего, мы должны забыть, кто мы, потерять дорогу к истине.

О «конце Истории»

Следует сказать, что отказаться от своей судьбы принуждают не только нас. Сегодня системно уничтожаются представления о возможности исторического существования и сама возможность быть человеком.

Заявления о конце Истории, присутствующие в дискурсе многих западноевропейских постмодернистов и к которым столь поверхностно отнеслись их критики, на самом деле имеют довольно глубокие последствия и совсем другое значение, нежели приписываемое им окончание противостояния капитализма и коммунизма, тоталитаризма и демократии.

Постмодернистский дискурс утверждает, что Истории как пространства существования человечества и каждого отдельного человека больше нет.

Если история закончилась, то это значит, что человеку и человечеству теперь не нужно вникать в исторический смысл и значение своего бытия. Сам вопрос «откуда мы и куда идем?» оказался упразднен: больше никто и никуда не двигается. Все вопросы о назначении человека и смысле его существования упразднены: больше нет ни замыслов, ни планов. Не за что биться, нечего отстаивать, некуда стремиться, не с кем бороться. Кругом политкорректность, толерантность и мультикультурализм. Нет больше смысла в Человеке, нет больше в мире места для личности и поступка.

Все это, конечно, наглая ложь. Ложь, призванная обесточить своих конкурентов и «партнеров», лишить их воли и энергии идти своим путем. На самом же деле внедряется новый принцип социального устройства мира, в котором есть те, кто понимает, что такое История, и при этом знает свою историю, т. е. способны самоопределиться в новых сложных исторических условиях, и они будут властвовать и править; и есть те, кто почему-то окажется несоразмерным историческому самоопределению, и прежде всего потому, что их убедили в «окончании» Истории.

Новые управляющие иерархии будут строиться не только из людей, но из стран, государств и регионов. Возможно, в отведенном кому-то месте в новой иерархии (некоторые наивно называют такие иерархии «системами разделения труда») будет вполне комфортно, только для полного счастья и отсутствия фантомных болей в виде поиска смысла собственного существования, своей страны, своего народа нужно всего-навсего отказаться от своей судьбы, ее понимания и от исторического самоопределения в принципе.

Пропаганда «конца истории» идет вполне успешно. Такая интеллектуальная функция, как понимание, у современного человека в силу кажущейся ненужности атрофируется. Современный европеец не понимает своего прошлого (уже даже и не знает), а значит, он не может понять и того, что с ним происходит сейчас, не говоря уже о том, каким он видит возможное и желаемое завтра. И самое главное – он даже не подозревает о неадекватности всех своих представлений. Неизбежное в скором будущем обрушение привычных структур повседневности и радикальное снижение уровня жизни могут, конечно, вновь запустить механизмы понимания, но будет поздно: новый порядок оставит современному европейскому человеку минимальные возможности для сопротивления.

Об оптимизме

Потеря судьбы, исторического самосознания с неизбежностью приводит к разрушению всего строя жизни. Все теряет смысл. В отличие от животных мы живем не только сиюминутной жизнью, нам важно постичь замысел. Знание исторической судьбы – основание для проектирования и целеполагания. Без него будем топтаться на месте, рассеиваться, уходить в себя, дичать.

Вместе с тем не стоит излишне драматизировать. Потеря ориентиров – ситуация штатная, регулярно повторяющаяся и вполне преодолимая. Надо лишь вспомнить о своей исторической судьбе, прояснить ее, вновь сделать очевидной. И тем самым совершить новый акт самопроектирования и самостроительства.

Момент для этого вполне подходящий. В каком-то смысле раньше делать такую работу было преждевременно. Ход истории принципиально отличается от законов мира деятельности. Никакие волевые усилия, никакие новые представления без сложившихся определенных социальных условий в масштабе страны не могут повлиять на исторический процесс. Всем нам надо было распрощаться со многими представлениями советского периода и успеть разочароваться в либерально-рыночных, перестать ими соблазняться.

А вот теперь работа по восстановлению наших исторических судьбоносных ориентиров вроде бы становится наконец-то осмысленной и своевременной.

Эта книга написана с позиции социокультурного оптимизма. На самом деле у нас все есть для того, чтобы остаться людьми и жить подлинной человеческой жизнью. Пора освободиться от навязанных нам комплексов неполноценности, забыть их, как дурной сон. Мы крепко стоим на собственных ногах, нет никакой нужды жить под кем бы то ни было. Нам есть что отстаивать. Еще ничего не предreshено. Мы обязаны вернуть себе историческое и онтологическое достоинство.

О конструировании Истории

Ответ на вопрос «кто я?» не может быть произволен. Я есть тот, кем я был, кто я есть и кем я буду. Вместе с тем «кто мы, откуда пришли и куда идем?» – вопрос творческий. Ответ на него не может быть сведен к историческому материалу, а может быть построен по нашему убеждению за счет усилий понимания и далее – в конструктивном и проектном мышлении.

Мы не можем идти здесь путем познания «объективной реальности, существующей вне нас». Наша история каждый раз рождается в акте самостроительства и самопроектирования. Реальность возникает одновременно и вследствие человеческого самоопределения. Целостный образ жизненного пути, его «гештальт» могут появиться только в живом человеческом воображении, в актах «схватывающего понимания» и последующего его мыслительного оформления.

Конструирование истории есть одновременно и акт самопроектирования. Положив свое участие в некоем процессе, объективировав свое движение, ты одновременно совершаешь самостроительство. Картина мира – ничто без действующего агента в нем. Исторический путь вне нашего самоопределения не существует. Даже сама его граница является подвижной.

Важно, что этот целостный образ должен в своей интенции охватывать весь путь, от начала и до его конца – в исходном представлении без различия прошлого и будущего. В каком-то смысле можно сказать, что все время, охватываемое путем, представляет собой одно «сплошное настоящее». С другой стороны, мы выхватываем этот целостный образ нашей судьбы из какого-то момента. Момента, который неизбежно разделяет для нас прошлое и будущее. Важно, что это творческое и проектное отношение прилагается не только к образам будущего, но и к прошлому. Оно тоже преобразуется. Исторический материал реорганизуется в соответствии с нашим проектом. Таким образом, прошлое преобразуется, будущее воображается, но это одна картина, один путь, одна история.

Производство знания о своем пути – ключевой момент в самоопределении. Это и есть подлинное историческое знание. Исторический материал сам по себе этого знания еще не дает. Наоборот, образ пути организует фактический материал. Более того, только силой этой формы мы и начинаем понимать свое прошлое, настоящее и будущее. Она приписывает всем историческим событиям соответствующие значения. Мышление, мыслительные формы организуют и реорганизуют понимание исторических событий. Бессмысленно требовать от всех людей собственного понимания исторических процессов и мышления по этому поводу. Это дело философов и историков: понять и мыслительно оформить. Но после этого сами эти формы могут и должны быть переданы и в массовое пользование.

Что является доказательством верности той или иной исторической реконструкции? Свидетельством того, что все это не пустой вымысел, не волюнтаризм его авторов? Ответ известен: общественно-историческая практика. Только сам деятель, реализуя в соответствии с пониманием (откровением) свою судьбу, может в исторической перспективе доказать, что его картина была верна. Она либо позволит ему сделать очередной шаг и исторически выжить, либо он сломает себе шею, и тем самым будет доказано, что он ошибался. Риск в пространстве истории неустраним. Если мыслить свою судьбу и не уклоняться от ее исполнения, то есть шанс исторически выжить. Или проиграть, если мыслить ошибочно. Если же не мыслить и не действовать, то тогда остается лишь с неизбежностью рассеяться и раствориться.

Такие представления явно противоречат широко распространенному мнению, что нам нужна «история как она есть», «вне идеологии». Мы полагаем, что «истории как она есть» просто не бывает. Если речь идет о наборе неких логически не связанных между собой слу-

чаев, дат и событий, то это не история, а исторический материал, пусть даже хронологически систематизированный. Если же презентуется конструкция из связанных фактов, то это всегда знание, произведенное из определенной позиции. Всякая конструкция приписывает соответствующие значения всем включенным в нее событиям, и эти значения из истории не устранимы. Уже «факт» содержит в себе такие значения, он является элементом конструкции и несет на себе ее печать.

Поэтому всякая история всегда позиционна. Вопрос только в одном: тот, кто конструирует, делает это либо открытым образом, либо пытается скрыть свою конструктивную работу, выдает свою альтернативную конструктивную работу за «историю как она есть». Исторический же материал сам по себе «молчит». Конечно, он должен быть учтен в мыслительной конструкции – именно как материал, как то, что только в конструкции приобретает свой смысл и значение. И как то, что может сопротивляться, как то, что должно укладываться в картину без насилия и исключения.

Отказ от подлинного исторического знания в пользу «истории как она есть» тождествен отказу от самоопределения. Это отказ от целевого человеческого действия. Нам не надо бояться позиционности истории.

На основной магистрали

Если для человека время его жизненного пути измеряется столетием, то для народа и политической нации счет идет на тысячелетия. Воланд в «Мастере и Маргарите» задает Берлиозу вопрос: «Позвольте же вас спросить, как же может управлять человек, если он не только лишен возможности составить какой-нибудь план, хотя бы на смехотворно короткий срок, ну, лет, скажем, в тысячу, но не может ручаться даже за свой собственный завтрашний день?»

Воланд, как, впрочем, ему и положено, лукавит. Вообразить план жизни на несколько тысяч лет (точнее было бы сказать, «замысел», «программу»), охватывающий как прошлое, так и будущее, является вполне уместимой задачей. Более того, если мы относимся к текущему кризису как к кризису базовых конструкций европейской цивилизации, а не ее отдельных частных элементов, то масштаб рассмотрения и должен быть соразмерным всей цивилизационной истории. Конечно, рассмотрение программ развития цивилизации следует отличать от планов конкретных человеческих действий, масштаб которых действительно будет иным. Хотя и у плана действия может быть не один исполнитель и не в одном поколении.

Сегодня мы находимся в ситуации вынужденного переосмысления своего исторического пути. Нам нужен не исторический анализ, а масштабный исторический синтез. Хотя, может быть, мы никогда еще своего пути ясно не понимали.

Вот первый вопрос: когда начинается наша история? Может быть, она начинается не с момента нашего рождения как народа (народов) и даже не с рождения нашего государства? История происхождения народов («генетическая» история) – большая абстракция. Для человека и человеческих сообществ не так важно, от кого ты родился, как важно то, к чему подключился. История народа – это история не крови и даже не история той или иной социальной организации, социального объединения, а история культуры, история мышления и деятельности. Ими определяется судьба.

Получается, что история наша началась задолго до нашего рождения. Если ты участник некоей эстафеты, то нужно восстанавливать не только тот фрагмент пути, на котором ты включился в состязание, но весь забег целиком. Только так можно понять, откуда мы и куда идем. Каждый участник эстафеты отвечает и за результат в целом.

То есть если мы хотим знать свою судьбу, нам нужна не просто история России, нам нужна русская версия европейской истории в целом. От древних греков до наших дней. Нам надо увидеть себя как полноценных участников европейского цивилизационного эксперимента. Как тех, кто несет в себе замысел европейского пути в его полноте – от самого старта до финиша. Да, у этого замысла и пути может быть не одна версия, не одна линия. Но русская версия европейской истории существует и является одной из ее столбовых дорог.

Мы наравне с некоторыми другими европейцами отвечаем за цивилизационное целое. Нам надо разобраться в особенностях русского пути европейской цивилизации. Что мы взяли (должны взять) на себя? Что и у кого мы наследовали? Что из этого наследия должно быть сохранено и приумножено? Какие европейские проблемы мы призваны разрешить? Точно так же нам надо «русским взглядом» увидеть историю наших партнеров по цивилизации, выработать к их истории свое русское отношение.

Для этого придется определить полюса, к которым тяготеют различные цивилизационные ветви. Нам придется различить Запад и Восток европейского мира. Западный полюс европейской цивилизации есть Римский полюс. Запад, собственно, и есть Рим. Мы же принадлежим восточной линии европейской истории, проходящей через Византию.

Собственно, осознание восточной линии и ее продолжение должно стать целью русского урока истории. И дело не в обращении к византийской историографии. Дело в самом существовании Византии, а после – России. Византия не была империей, стремящейся к завоеванию мира. Она была скорее реализацией аристотелевского проекта Ойкумены средствами более пригодными, нежели поход Александра Великого. Продолжатели этого проекта – мы.

Как близкие соседи и родственники мы связаны с Западом многочисленными нитями постоянного культурного обмена, экспорта/импорта проблем и достижений. Мы пережили все существенные моменты западной исторической судьбы, но в ином, нежели сам Запад, историческом «контрапункте». Последнее как раз и делает нас не-Римом. Эта инаковость переживания западного дает нам возможность отнестись рефлексивно и критически к западному течению истории.

По последним ста годам русского прошлого можно понять тысячу лет истории Запада, скрытую и замаскированную западной идеологией. Революционная Россия всего XX века – это зеркало, в которое Запад заглядывает с ужасом, различая в нем свой подлинный образ. Мы в самих себе несем проблему Запада, неразрешимый для него кризис. Но мы не тождественны этому кризису. Сможем ли мы преодолеть его?

К финишу западной линии кризиса мы пришли вместе с Западом и опережая его. Конец западноевропейской линии истории означает неизбежный хаос, а в нем – новое начало, которое можно и нужно сделать русским.

Постмарксистский взгляд на историю

Рассуждения о необходимости своего пути, его конструктивности, масштабе рассмотрения еще ничего не говорят о его содержании. Нам надо предметно указать, что является содержанием исторического процесса. Исторический процесс следует представить таким образом, чтобы это открывало возможности для действия. Само историческое знание уже должно нести в себе ответы на вопрос «что делать?».

В этом нам ничем не могут помочь представления об историческом процессе как последовательности неких событий, расположенных на оси времени. Точно так же не пригодны для задач самостроительства представления об истории как череде изменений нашей страны и государства. Простое описание территориальных потерь и приобретений, изменений в социальной организации, перипетий власти и т. п. не содержит подсказок для проектирования своего будущего.

Задача исторического творчества вынуждает нас по-особому ставить вопрос о действительности исторических процессов. У Карла Маркса творческое и техническое отношение к миру уже было ясно задано и сформулировано. Да, мир, как призывал Маркс, надо не объяснить, а переделывать. Но как при этом представлять сам мир? В каких категориях его надо мыслить с позиции исторического творчества?

По сути, сам Маркс остался в плену гегелевского «естественно-исторического» представления об истории как производящей силе (такой же, как «Бог» и «Природа»). Некие объективные противоречия двигают процессы в этом мире (например, несоответствие уровня развития производительных сил производственным отношениям), и человеку остается только следовать этим историческим «законам». В своей практике Маркс стоял на позициях целевого исторического действия, но исторические процессы при этом он описывал в неадекватных этой позиции «отсталых» – естественных и внечеловеческих – гегелевских категориях.

Суть постмарксистского взгляда состоит в том, что главным, «осевым» историческим процессом является процесс воспроизводства и люди сами ответственны за то, что и как воспроизводить. Существует только то, что воспроизводится. Мы воспроизводим себя и условия своего существования: наши социальные конструкции, смыслы и самообразы, материальные обстоятельства своей жизни – все, что подпадает под категорию «общественной практики».

Причем условием полноценного воспроизводства является осознание людьми этого процесса. Нам необходимо отвечать на вопрос, что мы будем (обязаны!) воспроизводить в следующем историческом цикле? Что из того, что имеем, что является нашим наследством, мы должны сохранить и продолжить? И что будем развивать, т. е. воспроизводить с привнесением качественно новых компонент? Мы задаем эти вопросы фактически с позиции ответственности за социальное и культурное целое, как Его наместники на этой земле. Это значит, что нам надо всю общественную практику представить как изменяемую, рукотворную и конструируемую.

Таким образом, создать проект и план себя и своего пути означает ответить на вопрос о содержании очередного воспроизводственного цикла и шагов развития.

Подобный взгляд означает также отказ от поиска «исторической универсалии» (в стиле Гегеля – Маркса) – некоего принципиального противоречия, из которого можно вывести все содержание исторического процесса. Постмарксисты видят в истории сложный полифонический процесс воспроизводства и развития мышления и деятельности.

Почему именно мышления и деятельности? Мы хотим осознанно воспроизводить условия нашей человеческой жизни и развиваться, обгоняя наших «партнеров». Поэтому

нам нужно вскрыть генезис основных «единиц» общественной практики: в каких ситуациях и для решения каких проблем возникали те или иные идеи? Как они воплощались, какие трансформации, метаморфозы и мутации в новых условиях и обстоятельствах претерпели? Какие новые проблемы возникли в процессе их практики? Какие изменения нужно привнести в саму практику, чтобы продолжились Жизнь и Его Творение. Именно в таком контексте нам надо разобраться с «капитализмом», «социализмом», «революциями», «рынком», «демократией» и пр.

Такая реконструкция есть одновременно и наше освобождение от старых форм. Фактически мы заново должны продумать все мыслительные и деятельностные ходы европейской истории. Превратить их в живую и актуальную способность мыслить и действовать. Например, исторический опыт социалистического строительства сделать нашей политической и управленческой квалификацией. Только так в своих действиях можно стать сообразными историческим процессам.

Эта реконструкция должна позволить нам вырваться из плена прежних мыслительных форм, распрощаться с давно отжившими и не адекватными нынешним ситуациям теоретическими конструкциями прошлых эпох, освободиться от практики обветшалых культурных норм. Мы должны обрести свободу перепроектирования и переделки. Нам надо перестать быть идолопоклонниками.

А с другой стороны, необходимо понять, что же в нашем распоряжении есть бесспорно ценного, без чего ни выжить, ни развиваться нельзя. Что нужно взять с собой в нашем движении вперед. Что из доставшегося наследия следует превратить в наше живое наследие. То, что мы будем хранить, воспроизводить и развивать как свой важнейший ресурс.

Поэтому наша версия европейской истории есть описание этих процессов мышления и деятельности, составляющих суть эволюции общественной практики. Точнее, описание нашего участия в этих процессах. Как именно мы к ним подключены.

Эта книга – попытка первого наброска такой истории. Это, прежде всего, схема синтеза, собственно результат исторического конструирования. Это не просто русский взгляд на европейскую историю. Это постмарксистский взгляд – «мыследеятельностный».

Часть 1 Кто мы

Глава 1 Наша религия

Решительно невозможно быть кем-то и ни во что не верить.

В области познания невозможно изгнать всякую веру и основываться только на опровергаемых представлениях, как это приписывают науке. Наука в действительности лишь меняет одни символы веры на другие – приемлемые для современного сознания. Знание растет (строится) на каркасе веры, является формой ее существования. Вера скрепляет всякое знание – и опытное, и теоретическое, и рассуждение, и доказательство. Без клея веры рассыпается любая конструкция знания. Человек же, действительно отказавшийся от веры (значит, и от знания), приходит туда же, куда и Сократ: «Я знаю лишь, что я ничего не знаю».

Мы говорим здесь не о религиозном чувстве, не о субъективном переживании, а об объективном и необходимом способе включения человека в культуру, цивилизацию, историю, способе, вне которого такое включение либо неполноценно, либо невозможно вообще. Вне которого нет собственно человека.

В конечном счете мы есть то, во что мы верим. Наша вера определяет нашу судьбу (может быть, совсем иначе, чем обещано самой верой). Без веры мы никто.

Мы включились в доминантную веру европейской (то есть средиземно-балто-черноморской) цивилизации тем же способом, что и Древний Рим – путем принятия христианства в качестве государственной религии.

Кризис либерально-демократической веры

Христианство явилось (и остается) революцией в человеческой культуре. Подлинно (действительно) существующим стал признаваться отнюдь не видимый (материальный, натуральный) мир, а единый и невидимый Бог, волей которого и поддерживается существование мира. Без этой революции в мировоззрении никогда не смогла бы появиться на свет и современная наука. В то же время Бог христианства в отличие от других религий единобожия – не только абстрактный субъект, но и личность, открывающаяся и доступная человеку еще и в человеческой же ипостаси. Что во многом определило доминантный характер нашей веры, ее развитие и кризисы (ереси).

Христианство окончательно и бесповоротно утвердило и закрепило отличие человека не только от животного мира, но и вообще от любого биологического вида, в т. ч. и *homo sapiens*, живущего в рамках традиций рода и племени. Христианство аккумулирует догадки о человеке, содержащиеся в иудейской и греческой традициях, других религиях. Критики христианской веры на этом основании говорят, что в христианстве нет ничего нового. Даже если принять их сравнительный подход, то он все равно выявит главное: единый и невидимый Бог (иудеи), который есть слово и истина (греки), воплотился в человеке, показав ему тем самым путь к божественному. И этот путь открыт Христом каждому. Каждый может стать Человеком. И именно этот человек стал жить и действовать в Истории. До христианства никакой Истории не было и быть не могло.

Европейская вера менялась. В этом и состояла история европейской культуры и цивилизации.

Каковы бы ни были специфические различия и конфликты между историческими версиями христианства – православием, монофизитами, католичеством, протестантством, англиканами, многочисленными сектами (ересями), верой атеизма (страстным отрицанием христианского Бога), а также с младшим братом христианства исламом, – сегодня все эти конфликты уже в прошлом.

Сегодня европейское сознание в своей повседневности не задается вопросом о Боге. Этот вопрос контролируют разновидности светской веры, сформировавшиеся в результате кризиса и разложения христианского массового сознания. Две самые влиятельные из них – коммунистическая (социалистическая) и либеральная (демократическая). При всей нешуточной вражде друг с другом (на этом основании ведутся современные религиозные войны) они отличаются только техническими деталями. Джонатан Свифт едко высмеял эту характерную черту европейской цивилизации, описав в своем романе как войну «тупо-» и «остроконечников».

Обе разновидности светской веры суть обожествление натурально и материально данного «человека» – либо как индивида (либерализм), либо как коллектива, коллективного существа (коммунизм). Обе они создают вместо Бога фиктивный субъект истории – обожествленный «народ», объявляемый метафизическим источником власти (а значит, и всего остального). Обе они заменяют путь человека к Богу (который открыл исключительно Христос и который и создает человека) на путь «человека» к себе – с целью простого и массового принятия этих светских вероисповеданий. В лучших традициях Рима и Киевской Руси эти светские религии везде, где распространены, являются де-факто государственными.

Сегодня рушатся и эти вероисповедания. Неясно, какое из них окажется последним. Несмотря на то что западная демократия и либерализм одержали победу в религиозной борьбе с коммунистической верой СССР (мы проиграли вовсе не в «холодной», а именно в религиозной войне), стабильность западного общества (и США, и Европы, и Японии) ничто без обеспечения общего высокого уровня потребления. А это строго то же самое, что сулил социализм.

Ничего подобного демократия США не обещала и не могла обещать своим гражданам ни в XIX веке, ни в первой трети XX – до Великой депрессии. Зато тогда США были открыты для всех желающих. Сегодня они, как и Западная Европа, всеми силами защищаются от внешнего мира – так же, как когда-то СССР. Запад опустил свой собственный «железный занавес».

Анализируя и сравнивая западную ветвь европейской цивилизации и российскую, мы всегда будем находить больше сходств, чем различий. Россия в XX веке ускоренными темпами прошла, опередила и возглавила все исторические процессы европейского религиозного генезиса и кризиса веры. Мы пережили и религиозную войну, и инквизицию, и дехристианизацию, атеизм и утверждение светской веры. Если чего и не успели за большую часть XX века, то к началу XXI полностью «догнали и перегнали». Мы должны воспользоваться своим историческим опытом переживания современных религиозных проблем, правильно осмыслив этот опыт и сделав из него необходимые выводы.

Современный либерально-демократический дискурс вынужден тщательно скрывать от самого себя свое собственное действительное родство социал-коммунизму. Его кризис – как и кризис открытого социал-коммунизма, уже ставший историей, – неизбежен, это бомба замедленного действия. К ее взрыву мы должны быть готовы. Тем более что границы возможного в рамках светской (массовой) веры нам известны.

В то же время мы владеем эталоном христианства, который хранит православие. Функция такого эталона – не в массовой идеологической работе, а в обеспечении исповедующих подлинную веру.

Христианская революция

Первая великая революция европейской средиземноморской цивилизации, созданной мышлением греков и практикой римлян, – это революция иудейской веры, иудейского знания о едином невидимом Боге, это христианская, монотеистическая и гуманитарная революция. Она означала реальную встречу Бога с человеком, что и есть предмет собственно веры. Человек после пришествия в мир Христа получил возможность разговора с Богом, стремления к Богу, спасения в Боге, а не просто служения Ему. Эта революция определила до того неясное еще у Платона отношение человека к идеальному, обосновала, собственно, смысл существования человека – греки этого сделать не смогли. Христианская революция ввела принцип существования самого идеального. Одновременно родился и главный соблазн европейского человека – самому стать Богом, занять Его место.

У идеального есть недостижимый центр, предел, к которому человек может двигаться бесконечно, – Бог. Любая идея в этой функции ограничивала бы мир идеального – с чем и столкнулся Платон. Бог – создатель и хозяин идеального мира, принцип его единства, а через него и мира вещей. Бог делает возможными и необходимыми не ограниченные ничем синтез и гармонию.

Человек подобен Богу, значит, мир идеального – и его мир. Значит, сам человек может через творчество менять идеальный мир, который не есть застывшая данность. Любой сотворенный человеком идеальный мир ограничен, его можно разрушить, опровергнуть, проблематизировать. И сотворить новый.

Бог – рамка для этого неограниченного творения и претворения. Бог – возможность работать с идеальной картиной мира, менять частное знание об идеальном, опираясь на постоянную и неизменную веру в Него, Который не тождествен никаким частным идеальным сущностям.

Христианством была открыта высшая сущность человека, благодаря которой он может участвовать в жизни и процессах идеального мира. Душа – в мышлении, в то время как у греков душа вполне материальна (к чему апеллирует современная психология).

Христианство стало интеллектуальной революцией, перевернувшей и реорганизовавшей всю греческую программу мышления, открывшей для нее ранее недоступные горизонты. Наука Нового времени никогда не могла бы появиться без интеллектуальной парадигмы христианства. И эта наука шагнула далеко за пределы науки греков.

Христианская революция во много раз увеличила мощь европейского цивилизационного проекта. Государство теперь должно было стать бого-сообразным. Его статус и власть – а значит, и долг – становятся абсолютными. Государь же отныне не просто представитель идеального мира, мира правил и норм. Он выразитель воли Бога. Душа Государя должна вмещать государство и быть соразмерной ему. Государь лично отвечает перед Создателем за человечность государства. Он сам становится (т. е. обязан быть) примером и образцом человека. Смысл существования государства – защита истинной веры (т. е. в Бога), обеспечение существования и процветания Церкви (общины верующих).

Противопоставление государства обществу как сумме индивидуального эгоизма, как материальному фактору связано с выполнением им (государством) этой цивилизационной миссии. В этом противостоянии на христианское государство возложена миссия защиты позитивной человеческой свободы от принуждения, зависимости и эксплуатации (то есть рабства разного рода) со стороны общества.

Кризис западного христианства

Передовым вариантом реализации европейского проекта после падения так называемого Великого Рима стала Восточная Римская империя – Византия (это название дано ей Западом). Западная же Римская империя была, как известно, уничтожена варварами, которые, собственно, и стали впоследствии западноевропейскими народами, осознавая отпечатанную на них в основном дохристианским римским владычеством и войнами цивилизацию. Для Запада во времена расцвета Византии наступили «темные века».

Поэтому, отказавшись от построения Града Божьего на земле, начав рецепцию римского права, западные страны (интегрированные тогда существенно больше, чем сейчас) стали использовать христианство для построения светской власти. В эту политику закономерно вписывались и мероприятия по прозелитическому распространению католической веры – Крестовые походы, миссионерство, обращение (и завоевание) других народов. По этой причине Запад делал все для уничтожения Византии – государства изначального христианства, хотя она могла бы быть его сильным союзником для защиты от натиска исламов. Но в цивилизационном смысле Запад считал Византию более опасным соперником, чем ислам. Тем не менее Византия простояла тысячу лет.

Этот урок «партнерства» с Западом Россия выучила, главное – его не забыть.

Россия приняла цивилизационную европейскую инициацию от Византии задолго до ее падения. В том числе мы обрели и сохраняем наименее искаженный, ортодоксальный вариант веры в Христа – православие.

Кризис же западного христианства характеризует всю историю Запада. Сначала он выразился в самом появлении католичества (папской ереси). Далее – в инквизиции и Реформации (включая появление англиканской церкви и многочисленных протестантских сект). После – сначала в деизме, абстрагировавшем Бога от его Личности, а потом и в неизбежной на этом пути идеологии Просвещения, представлявшей собой полностью негативную религию, веру в «ничто» вместо веры в Бога. Просвещение готовилось и предшествующей идеологией Возрождения, верой в человека, понимаемого в дохристианском, языческом смысле.

Просвещенческое «ничто» весьма функционально. На это «пустое место» впоследствии с легкостью подставляются и Природа, и Разум, и самообожествленный Человек (человек, обожествивший свою природу и свой разум), народ. Так или иначе, Человек становится на место Бога. Западноевропейский человек объявляет себя самого источником Воли, то есть усилия по отношению к бесконечному. Развивается философия обоснования субъекта, который есть основа либеральной свободы, предполагаемой волевой состоятельности как индивида, так и народа – источника власти.

К началу XX века эти носители «субъективности» уже демонстрируют явные симптомы несостоятельности, а начало XXI века обнаруживает ее окончательно. Реально ни индивид, ни народ (ни их промежуточное состояние – коллектив) ничего не могут. Они – материал истории. Кризис, который мы переживаем во всех измерениях – политическом, культурном, экономическом, – есть кризис философии субъекта, религии человекобожия.

Это вовсе не значит, что разрешение кризиса, выход из него лежит на пути «объективизации». Сам объект есть фикция того остатка бытия, пассивного и мертвого, который остается после вычитания из него воли, присвоенной человеком. Любой «объективизм» всегда заканчивается вульгарным материализмом и натурализмом – через попытку объективно обосновать узурпированную человеком субъективность, не нашедшую основания в себе самой. Так материя – условность, вполне пригодная в рамках метода размышления, – объявляется существующей, разумной и в конечном счете Божественной.

Наука и идеология: расставание с Богом

Просвещение выдвинуло вместо принципа синтеза знаний в рамках теологии – идеи средневекового Университета – принцип Энциклопедии, знания, лишённого теологического, философского и методологического осмысления, знания разрозненного, частного, аналитического. Именно в этом виде и создает его разделенная по предметам наука Нового времени. Идея Энциклопедии как таковая была выдвинута, чтобы похоронить цивилизационный проект Университета как якобы провалившийся.

Вера в Бога, позволившая появиться собственно Науке и толковавшая существование как проект и проблему, была с помощью Просвещения замещена верой в Природу (исходящей из очевидной каждому данности существования). Отсюда берет начало натурализм – идеология и обоснование научного и философского метода вульгарного материализма, имеющего в конечном счете языческую природу (вещи существуют сами по себе такими, какими мы их воспринимаем). Верой в Природу были наделены и сами ученые – хотя и не все и не сразу.

Для открытия фундаментальных законов Бог был необходимым интеллектуальным условием. Таков Он у Ньютона, Лейбница, Кеплера, Коперника и многих других. А вот француз Лаплас может обойтись «без этой гипотезы», занимаясь лишь расчетами на базе уже имеющихся законов. Эйнштейн позицию Лапласа и многих других идеологических последователей натурализма не разделяет. В частности, он не приемлет квантовую механику, поскольку убежден, что Бог «не играет в кости». При этом специальную теорию относительности Эйнштейн строит с использованием очевидного метафизического монотеистического положения – свет обладает очевидным абсолютным существованием, коль скоро он был создан ранее всего другого. Это позволяет сделать онтологический вывод из известного эксперимента Майкельсона – Морли, до которого сами экспериментаторы не додумались.

Природа не мыслит и не является личностью в отличие от Бога. Те, кто формулировал фундаментальные законы науки, ясно осознавали, что сама возможность их формулировки, само их существование как законов невозможно без обеспечения их существования в идеальном мире, без существования самого идеального мира, без возможности нашего проникновения в него. Совокупность этих «условий» существования идеального и есть Бог в европейской цивилизационной парадигме. Аристотель вообще не предполагал самого существования законов в своей физике. Он считал физический мир приблизительным, а не точным. *Натура* (т. е. природа) в переводе с древней латыни – это родовое отверстие у овцы, буквально «то, что рождает». В этом качестве природа переносит из языческого, мифологического, магического сознания в научное и философское принцип «подобное от подобного». В «научной» идеологии, не имеющей отношения к самой науке по существу, Природа как магическое начало отвечает за наделение существованием того, законы чего открыты и «уже существуют» (ведь иначе они – не законы).

Впоследствии эта формальная онтологизация смыкается с «идеологемой опыта», утверждающей, что научное знание якобы вытекает из опыта. Опыт действительно становится предметом научного мышления, но прежде всего – как преобразуемый этим мышлением. Для этого научный метод содержит в себе эксперимент, «допрос» Природы. Наука целенаправленно опровергает имеющийся опыт и создает принципиально новый. Снова и снова.

Проследив путь, по которому эволюционировала идеология Просвещения, заместившая Бога Природой и Разумом, мы увидим, как личностная ипостась Бога (у Природы явно отсутствующая) контрабандой возвращается сначала частично, через божественные функции просвещенческого Разума, а потом – и в полной мере, через обоженного Человека.

Хорошо известного нам по коммунистической идеологии как «Человека с большой буквы» или по либеральной – как «Личности, творящей, что ей хочется». Просвещение еще не знало, что все «законы» относительны и будут проблематизированы.

Изгнание Бога из научной методологии и философии идеологией натурализма приводит к необходимости Его скрытого, нелегального присутствия в научном мышлении. Роль этого сакрального убежища долгое время играла математика, вовлеченная в научный метод до такой степени, что без нее он уже невозможен. Математика довольно долго обеспечивала «непосредственную данность» самодостаточного («божественного») существования идеальных объектов. Однако «неклассическая» ситуация в науке XX века, масштабный кризис математики и логики возвращают нас к вопросу о восстановлении необходимой полноты философского, методологического, теологического пространства. В котором только и возможно действительное понимание феномена научного мышления, его границ, перспектив дальнейшего развития, а также восстановление синтетической картины мира, фрагментированной натурализмом (Просвещением) с помощью энциклопедического знания.

В XIX и XX веках просвещенческий энтузиазм идеологов натурализма не только не иссяк, но, напротив, получил мощный допинг в виде социального прогрессизма, опирающегося на промышленную революцию, использующую научные результаты предыдущих столетий. В рамках идей социального прогресса Человек уже вполне осваивается в роли Бога.

Наукой уже в XIX веке обобщенно называли инженерное дело. А в это же время в самой науке в узком смысле довольно быстро выяснилось, что фундаментальные законы вовсе не окончательны, что новый опыт, создаваемый самой наукой, позволяет формулировать их совершенно иначе раз за разом, что научное знание исторично. Математика также лишилась своего сакрального значения. Выяснилось, что любое доказательство условно, следовательно, исторично. Выяснилось, что претендующие на объективность сущности типа натуральных чисел, множеств, геометрических фигур (начиная с точки) неочевидны, могут задаваться по-разному. Иными словами, объективность привносится в математику откуда-то извне. Течений и направлений в математике (как и в логике) вообще много, они сильно различаются и противоречат друг другу. И в каждой математике существуют утверждения, которые нельзя ни доказать, ни опровергнуть.

Таким образом, самое время вспомнить, что объекты науки даны нам вовсе не естественным образом, а являются искусственными конструкциями (творениями) мышления, и человеку они даны через мышление. В этом отношении человек подобен Богу, создавшему мир, в точном соответствии с христианской теологией и верой.

А вот как мышление дается человеку? Как он попадает в мышление, как подключается к нему? С теологической точки зрения – в результате откровения, через Историю. Человек должен «принять» мышление, соответствовать ему. Как минимум человек должен знать, что мышление и сознание ему не принадлежат, они даны ему в пользование. Что это мышление – как одна из ипостасей Бога – обращается к нему.

Наука Нового времени как историческая смена онтологических картин мира стала возможна именно благодаря метафизике единого Бога, открывающегося человеку. Это главный интеллектуальный шаг европейской цивилизации после Древней Греции, и совершен он благодаря христианству. Европейская наука – один из путей Откровения, вызов человеку.

Западное христианство не смогло реализовать духовный «проект Университета» – выход духовной жизни в т. н. «темные века» из монастыря в мир, при котором теология является условием и источником развития философии и науки, и все они образуют синтез знания. Оно слишком завязло в социальной практике и не смогло адекватно отнестись к собственному детищу – Науке Нового времени. В результате такой продукт христианской теологии и философии, как наука Нового времени, оказался изолирован идеологией Просвещения от своего собственного источника и происхождения, лишен рефлексии. Утрата философских,

теологических, методологических рамок науки была объявлена прогрессом, шагом вперед. Интеллектуальная ситуация, созданная таким пониманием прогресса, уже в начале XX века осознавалась как кризисная, как «Закат Европы», то есть «Закат Запада».

Просвещение: от Человека к индивиду. Торжество светской веры

Идеология Просвещения совершает еще одно искажение исходных постулатов европейской цивилизации. Изначально причастность к мышлению и идеальному не может быть гарантирована человеку. Это вопрос его судьбы.

Первым актом действительного мышления, благодаря которому человек включается в мышление, является понимание. Оно может и не состояться, не случиться, человек может «не сподобиться». Ведь понимание направлено не на вещь, не на сущее, не на знание, а на бытие, из которого все появляется и куда все исчезает. Понимание исторично, возникает благодаря участию в истории, ее проживанию. Условия включения в мышление заданы культурой, нормами, они известны. Но чтобы воспользоваться ими, их нужно понять. А вот заставить понять, видимо, нельзя. Сначала человеком должна овладеть воля к пониманию, мышлению, существованию. В своих отношениях с Богом человек подлинно свободен.

Здесь пролегал онтологический предел всякой власти, самодостаточности всякого социального единства, претендующего на поглощение человека. Подлинная вера в Бога лежит за пределами отношений власти. Ими пронизано общество, ибо оно само есть борьба за власть. Поскольку всякое государство должно стремиться к суверенитету, к полной юрисдикции над любыми отношениями власти, к заключению любой власти (и следовательно, общества) в себе, то вера в Бога – и только она – позволяет установить внешнее отношение к государству, дать ему назначение, создать государство как средство контроля над властью.

Однако можно подменить веру отношениями власти, которые будут веру имитировать. Достаточно исключить из веры Бога. Конечно, такая вера заведомо не может сформировать позицию и положительные требования по отношению к государству. Напротив, вера сама становится инструментом общества в борьбе за объявление государства элементом этого общества, в подчинении ему государства в качестве орудия власти.

Подменить веру властью можно, только навязав частное знание (а знание всегда частное) в качестве онтологии, всеобщего представления о существующем. Последнее, в свою очередь, требует корректировки меняющейся исторической действительности, ее подгонки под заданную онтологию власти. Метод тут один: ограничение внимания к явлениям и уничтожение самих явлений, не укладывающихся в официальную картину.

Ортодоксальное христианство в этом пункте исходит из невозможности навязать веру, из веры как принципа свободы человека. В этом смысл сказанного: «Богу Богово, а кесарю – кесарево». Католицизм произвел фундаментальное замещение веры властью – как внутри Церкви (Церковь только одна, подчиняется только папе, папа при жизни получает статус непогрешимого), так и вне ее (католическая Церковь играет ведущую роль в установлении и обеспечении светской власти государей). Католический прозелитизм – движущий механизм в захвате Западом всей планеты, основа нового колониализма (если «старым» считать колониализм дохристианского Рима).

При всей ненависти к Церкви идеология Просвещения по методу стала прямым продолжением католического прозелитизма и миссионерства: уверовать должен буквально каждый, и это «возможно», поскольку верить теперь нужно в себя, в субъективность. Просвещение взяло на вооружение принцип Декарта «мыслю, следовательно, существую». Акт мысли полагается просветителями как самоочевидный, натурально данный. В то время как мышление совершенно не тождественно самоочевидной для индивида психике.

Мышление в этом отношении подобно такой инфраструктуре, как язык. Не человек говорит «языком», а язык «человеком» и «через человека». Каждый человек обнаруживает себя в контексте исходно заданного и исторически развернутого языка – он осваивает речь и вырабатывает собственный способ участия в языковой деятельности. Так и мышление существует как особая субстанция. И лишь будучи подключенным к этой субстанции, существует человек. Иными словами – чтобы существовать, надо как минимум мыслить. Декарт же полагал «я мыслю» за несомненную данность, из которой вытекает существование субъекта.

Можно сказать, что способом освоения человеком мышления по аналогии с речью является ум, интеллект. Носящие, как и речь, внешний, объективный, орудийный характер, они есть средство участия человека в мышлении. Ум – не психика и не сознание в современном вульгарно-материалистическом понимании. Ум сопричастен бессмертному существованию души. Из чего состоит ум? Мы уже постулировали, что для акта мышления нужен как минимум акт понимания, который сам по себе – событие историческое, судьбоносное. Однако нужна еще проверка: мышление ли это? Понимание ли это? Что, собственно, понято? Таким образом, вслед за актом понимания для включения в мышление необходим еще и акт рефлексии: нужно установить, имело ли место понимание и на что именно оно было направлено.

Уже здесь идеальное существование человека принципиально расходится с натуралистическим пониманием существования индивида. Индивид в переводе с латыни означает «неделимый». То есть его существование постулируется материалистически – как мы его видим. Человек же (в отличие от индивида) существует в мышлении множественным образом (т. е. идеально делимым образом). Уже на самом первом отрезке вхождения в мышление он расщепляется как минимум на две позиции – понимания и рефлексии. Необходимость связи этих позиций рождает другие интеллектуальные функции, такие как мысль – коммуникация, мышление в конструкциях знаков и символов, мыследействие.

В конечном счете индивид в обеспечение своей неделимости отделен не только от других индивидов, но и от бытия, от мышления. Он сам бытийствует, сам мыслит: сначала «себя», потом «объект».

Человек же в отличие от индивида, наоборот, включен в бытие и мышление – или точнее, бытием и мышлением включен в них. Его корни в мышлении прорастают все глубже во всех направлениях исторического времени. Множественность позиций человека в мышлении позволяет встречаться в мышлении большим распределенным в пространстве и времени коллективам людей – таким образом, мышление становится общим делом человеческого рода, историей. Однако если не было понимания, т. е. в родовом смысле слова откровения, полагания существования – ничего этого не было бы.

Чтобы обеспечить каждому индивиду способность мыслить, т. е. существовать в качестве обязанности, картезианские идеологи полагают мышление за натурально данный признак также натурально данного индивида, т. е. за род сознания, психики. Это, конечно, подмена предмета. Она обеспечена фрагментарным энциклопедическим знанием «обо всем», которое заменяет в этом случае действительность мышления. В принципе, такая конструкция реализует католическое требование каждому уверовать в Бога, даже если этот каждый с Ним и не встречался (не понимает), но существование которого гарантирует Святой Престол.

Так родилась собственно светская вера, кризис которой мы наблюдаем сегодня как кризис веры не только в коммунизм, но и в либерализм и демократию вместе взятые.

Именно благодаря властному навязыванию веры западное католическое христианство претендовало на непосредственное осуществление светской власти Церковью (и осуществляло ее), что привело к вырождению духовного поиска (откровения) в идеологическую

работу, к идеологическому охранению собственной власти и репрессиям на идеологической основе (инквизиция и охота на ведьм). Идеология Бога, пропаганда Бога приводит к его вульгаризации, материализации, натурализации, к требованию непосредственно усматривать его проявления в вещах (явлениях, событиях). Это путь назад, к язычеству. Бог находится не «по ту сторону» материального, поскольку там вообще ничего нет (в том числе и «Природы»). Бог находится по эту сторону идеального, как его творец и гарант его существования, как личность.

Православие – точка отсчета для «перезагрузки» христианской веры и продолжения прерванного пути. Сегодня, когда необходим рывок в развитии гуманитарных, а не точных знаний (не физики в широком смысле слова), это может быть очень продуктивным. Русские гуманитарные дисциплины должны быть средством выражения и развития русской души, рождением которой во многом мы обязаны православной церкви Киевской Руси. Начала православной философии есть в нашей культуре.

«Западники» и «славянофилы»: бессмысленный спор

Россию некорректно рассматривать в ряду стран так называемого Востока.

Спор с Западом для нас имеет другой смысл и другие геополитические параметры, нежели для стран настоящего Востока – Китая, Ирана, Ирака, Индии, Японии. Наша рецепция оснований европейской (средиземноморской, средиземно-балто-черноморской) цивилизации полна и окончательна. Мы проросли из этого корня, и, хотим мы того или нет, мы такие же европейцы, как и все остальные, – то есть обречены бороться со всеми прочими европейцами (как и они друг с другом) за первенство и наследство. Это один из определяющих кодов нашей цивилизации.

Глупо – как это делают западники, а также их современные наследники, неолибералы всех мастей – призывать к слиянию с культурно и географически определенным Западом, к заимствованию чужих национальных социальных институтов или тем более виртуальных «европейских стандартов». Разве сам Запад однороден? Разве слились Франция и Германия? Или США и Япония? Англия и Италия? Мы обязаны отстаивать собственную идентичность и версию развития цивилизации, если не хотим исторической смерти.

Так же недальновидно игнорировать тот факт – как это делают славянофилы и их современные последователи «евразийцы», – что мы, приняв тысячу лет назад проект европейского цивилизационного устройства жизни, при всех наших культурных отличиях от различных других географических европейцев не имеем никакой другой исторической программы самоопределения и деятельности, кроме как европейской. Отказавшись от нее, мы просто исчезнем.

Лишь вульгарному материализму участников с обеих сторон мы обязаны продолжением спора «западников» и «славянофилов» по сей день, попыткам свести характеристики цивилизации к ее материальному, географическому, экономическому измерению. Противоречия между различными носителями средиземноморского цивилизационного проекта заключены уже в самом этом проекте. Если бы их не было – не было бы и Истории.

Нам же просто придется приспособить, обтесать или выгодно использовать свои (действительно существующие) материальные особенности в рамках функциональных нагрузок европейского проекта.

Западники не понимают, что отличия от западной версии цивилизации действительно существуют, но определяются отнюдь не «материалом» людей и культуры, а множественностью решений европейской системы уравнений. Они не понимают, что мы реализуем другой идеальный вариант развертывания европейской ойкумены, который, может быть, и является основным, а не «отклоняющимся» (если не считать эти варианты равноправными). Запад-

ники думают, что став «европейцами», мы тут же будем приняты в «семью» европейских народов, будем «дружить» с ними. Хотя с точки зрения самого Запада никакой семьи европейских народов нет, т. е. гармонии просто не может быть. Никто не воевал друг с другом и не истреблял друг друга беспощаднее, нежели европейцы. И ответом на этот многовековой опыт взаимного истребления европейцев является еще один многовековой сценарий – возрождение в Европе имперского порядка. Правда, теперь под «зонтиком» США: после Второй мировой войны – это уже история американской империи.

И здесь мы подходим к другой ошибке, которую делают западники современные: европейцем можно быть при слабом государстве или вообще без такового. Это уже не заблуждение, это ложь.

Существование, действие и выживание в европейской истории возможно только через собственное сильное государство. Личность и человек не существуют иным образом в истории. Те государства в мире, которые осуществляют рецепцию европейских достижений сегодня, делают это исключительно с целью собственного усиления (как Петр I).

Сама экспансивная природа европейского государства (и цивилизации) как проекта приводит к принципиальному соперничеству государств, к их борьбе за выживание, к потенциальному стремлению, в том числе стать единственным государством на континенте. Истории неизвестно ни одно государства европейского типа (да и не только европейского), которое бы ставило своей целью выживание другого государства как таковое. Отказ от этого принципа приводит к удалению из истории, прекращению исторического бытия, цивилизационной смерти отдельных людей и целых народов. Может, кто-то и будет этим высокоразвитым европейцем, но уже не мы, отказавшиеся от своей страны и истории.

Очень хорошо это понимали англичане и другие европейцы, заселившие Северную и Южную Америки. Создав минимальное хозяйство и население, они решительно отделялись от материнских империй с помощью оружия, пропаганды и собственного государственного проекта. Им нужны были свои страны – при всем культурном родстве с породившими их государствами.

Попытки осовременить сегодня спор «западников» и «славянофилов» нелепы вдвойне по следующей причине.

Очевидно, что мы, реализуя свой цивилизационный проект, сумели раньше других европейцев обнаружить ключевую проблему новейшей европейской истории. Мы гораздо раньше наших соперников пережили религиозный кризис доминирующей христианской веры, причем в самой острой форме. Мы на собственном опыте познали, что такое полная и окончательная замена веры в Бога верой в ту или иную социальную конструкцию, что такое отказ от критического мышления, отказ от постоянного проектирования и перепроектирования систем организации жизни и деятельности. Мы уже знаем, что такой отказ приводит, в свою очередь, к быстрому вырождению человека, государства и общества, к поражению в борьбе за историческое существование. У нас есть опыт исторического летального исхода – смерть СССР. Следование этому сценарию будет означать и смерть России.

У американцев есть поговорка: ты умри сегодня, а я завтра. По сути, Запад – и в первую очередь США – играют именно в эту игру. Они пытаются максимально оттянуть свою кончину, избежать того, что однажды довелось пережить нам. Соответственно, у нас больше шансов раньше западных европейцев вернуться на путь Откровения (понимания и мышления), на путь раскрытия Божьего замысла о мире и сотворения мира, то есть вернуться в Историю.

Глава 2

Наша история

У изначального европейского принципа мышления и самоопределения нет материальных пределов. Путь к Богу не имеет конца. Но все наши мысли и действия, все государства, все вещи, все жизни, все смыслы, все знания и представления, все ценности имеют и начало, и конец. Они (и мы) должны рождаться (происходить) и умирать (разрушаться).

Это и есть история. Она освещена внутренним светом нашего понимания себя, мира, Бога. История состоит не из вещей, а из событий, т. е. из изменений самого существования, из проявлений воли и представлений, из того, что имеет смысл и значение. Историю нельзя разделить на части, как вещь. И нет смысла говорить об истории вещи. История, как и Бог, одна – в качестве принципа и рамки самоопределения, мышления, воли.

«Своя» история, история человека – это его участие в единой истории культуры, мышления, цивилизации, это его связи с ними и их изменение, это то, как он видит и понимает историю в целом, понимая и определяя самого себя. Глупо думать об истории России, истории русской цивилизации (то есть истории русских европейцев), как о том, что происходило на ее территории, да еще и в сегодняшних границах. Границы, как известно, периодически меняются. Польша длительное (историческое) время входила в состав Российского государства. Является ли ее история частью истории России? Такое направление мысли бесперспективно, да и поляки обидятся. История России (или для России), – это история всего, что составляет Россию, всего, что определяет ее прошлое, настоящее и будущее, история всех влияний и вкладов мира в Россию и всех влияний и вкладов России в мир.

Словом, история России – это мировая история, приводящая к России и освоенная (присвоенная) Россией. История России – это сфокусированная в России История мира. Такой истории России у нас пока не написано.

Мы, например, не понимаем (и просто не знаем) исторического процесса возвышения и тысячелетнего существования Византии (то есть христианской Римской империи, Восточной Римской империи) как прототипа и источника нашей собственной культуры и государственности, в свою очередь, принявшего историческую эстафету непосредственно у Великого Рима.

Мы не интересуемся источниками своей революции. Мы не понимаем, что это был экспорт в Россию английской революции (через Францию). У нас нет представлений о заложенных в нее (революцию) средств управления миром в целом и нами в частности, не говоря уже о самих механизмах, средствах и участниках экспорта.

Мы не понимаем специфически немецких источников нашего права и нашего социализма как оппозиции английской линии либерализма и индивидуализма (а также английскому праву) в рамках светской веры. Мы склонны думать, что права у нас нет, и поэтому нам необходимо какое-то «европейское право» вообще.

Мы не отдаем себе отчета в том, что эти линии мысли (немецкого идеализма и английского сенсуализма) не просто «теории философов» из «истории философии», а практические, конкурентные стратегии исторической борьбы. За ними стоят, с одной стороны, линии Аристотеля и Платона в понимании человека – как политического животного и как существа, причастного миру идей соответственно (предпосылка христианской революции). С другой стороны, из английской и немецкой философий вытекают исторические практики борьбы. Для Англии – за выживание острова – с неизбежной претензией на захват внешних ресурсов и контроль над заморскими территориями. Для Германии – борьбы за предельно рациональное, системное использование ограниченного ресурса при отсутствии «жизненного пространства».

Глядя на проблему шире, стоит заметить, что ничего нельзя понять в истории России в рамках исторической схемы «Античность – Средние века – Ренессанс – Новое время – Просвещение – Новейшее время». Абсурдность этой схемы и во временном, и в пространственном измерениях ясно показал Шпенглер в «Закате Европы». От себя добавим лишь,

что в современном сознании эта схема призвана обосновывать «неизбежное» избавление от веры в Бога, прежде всего, от христианства, светскую веру в прогресс и другие современные светские религии, включая т. н. экологию, а также мировую гегемонию Запада.

Идея истории

Вместе с проектом государства-цивилизации греко-римский этап развития человечества инициировал собственно Историю как процесс становления европейской цивилизации, приключения идей, мышления, абсолютного духа в материальном пространстве собственных реализаций.

У Древнего Египта, Вавилона и других цивилизаций Истории в этом смысле, видимо, не было. Было скорее повторение и воспроизводство одного и того же. Эти цивилизации жили в Вечности, в космическом цикле смены суток, сезонов, лет и даже эпох, на пути из этого мира в загробный, но не во Времени, имеющем направление (как у греков и римлян), начало и конец (это уже для христиан).

Время дает цель и смысл жизни отдельным поколениям и даже отдельным людям, Время делает актуальным настоящее, а через него – и прошлое с будущим. Для европейца история – это актуальное пространство существования его целей и действий как идеальных сущностей, смысла его жизни и деятельности. Если благодаря Времени мы можем впервые заметить происходящие изменения, соотнести их со своими усилиями, следовательно, впервые можем, собственно, действовать.

Человеческое действие – основное содержание Истории. Это не значит, что мы говорим о субъекте. Напротив, человек находит себя в Истории, поскольку История – это место и время, где к человеку обращается Бог, истина, сущность Бытия. Именно в Истории Бог, истина, сущность Бытия замечают человека, открываются ему. Если человек находит свое время и место, история раскрывается как должное: что нужно сделать, чтобы быть человеком.

История, даже если мы еще не знаем ее (т. е. не имеем исторической рефлексии – не путать с историографией, со «сказками», которые презирал Декарт), уже дана нам как обстоятельства нашего действия и условия нашего собственного существования. Но это не исключительно и не в первую очередь материальная данность как таковая. История не просто «свернута» в вещи, в материальное наличное прошлое. Если бы было достаточно самих вещей, не было бы и действия, истории. Однако вещи меняются, создаются, разрушаются, и источник этих изменений – вне материального, не внутри него.

История – не «результаты» изменения вещей, не временные «срезы» их «состояний».

История – внутренняя жизнь самого источника изменения, действия, его оснований.

История – это сила, смысл, назначение событий, обнаруживаемых в действии, в том числе вещных обстоятельств. События – это развитие действия, то, что меняет его обстоятельства, его цели и нас самих как его агентов.

История – это максимально возможное для человечества действительное включение в процессы мышления, в идеальный мир.

История – это объемлющая рамка (контекст) по отношению к другим способам включения в мышление, таким как культура и язык.

История – один из каналов Откровения, носящий всеобщий характер, адресованный ко всем людям во Времени и пространстве, во всех обстоятельствах.

История – способ человека мыслящего (включившегося в мышление) вырваться за пределы пространственно-временной редукции собственного сущего, на которую он, казалось бы, обречен. Причем, как выражался Маркс, способ «вполне посторонний». Культурное

и языковое творчество само по себе теряет свой смысл и функции, если не является историчным.

В историческом должном лежит понимание того, что нам дано историей как «наше время», или «современность». Причем дано не как неодушевленный, косный, мертвый, вульгарно-материальный набор «ограничителей» или «ресурсов». Исторические обстоятельства следует понимать как разумные, одушевленные, действующие сущности. Типы этих сущностей весьма и весьма разнообразны. Это всегда люди, а также народы, государства, культуры, организации, языки. Такова, наконец, сама деятельность человека, как родового существа.

Понимая это, правильнее будет сказать: не «что дано», а «кто дан». Разумеется, есть и исторически сложившиеся материальные ограничения, они же возможности. Но они – как и в любом невульгарном материализме – должны пониматься как предел и актуальная граница мыслимости (умопостижимости), как то, что принципиально вторично, что не имеет собственной сущности, а проявляется по отношению к совершенному идеальному полаганию. Такое материальное, определяемое всегда относительно мышления и деятельности, не первично. По мере развития мышления материал исчезает и появляется «в то же мгновение» заново при смене типа мышления. Собственной преемственности, длительности существования, т. е. истории, у материала нет.

История – это вызов пониманию. Историю, а значит, и собственную судьбу, собственное должное, нельзя понять без философского или теологического размышления. Без обнаружения бытия. История имеет смысл только как целое, как вся история. Только так ее и можно понять.

Посылы Бытия

Развитая политическая нация – то есть народ, доказавший способность к историческому выживанию путем создания и развития одного или нескольких государств, – не может не стремиться к метафизическому прояснению собственного существования, к прояснению бытия как такового. История и есть проживание, испытание посылов к судьбе, к существованию, к бытию.

Здесь мы смело можем следовать главному метафизику и, можно сказать, методологу метафизики – **Мартину Хайдеггеру**. Европейская история – то есть собственно история, никакой другой нет, – есть история истины, история изменения истины. Мы могли бы даже сказать – судьба истины. Мы, русские, втянуты в эту историю, мы ее неотъемлемый орган.

Если мы хотим обрести себя – а значит, избавиться от обмана, – мы должны вспомнить всю эту историю: то есть нашу историю целого и в целом, понять свою связь с каждым элементом истории, с каждым судьбоносным посылом. Это исполнимо, поскольку как раз история ничего не скрывает. Наоборот, она сама есть процесс раскрытия сущности бытия, то есть истины. Поэтому история может и должна быть источником понимания.

Мы – орган европейской истории, европейской цивилизации, ее фокусировка, носитель, один из посылов и так далее. Поиски себя за пределами этой целостности – как в пространстве, так и во времени – пустое занятие, которое не прибавит нам ни ума, ни силы, не обеспечит будущее. Это обман. И дело вовсе не в комплексе неполноценности (или борьбе с ним) – что, мол, мы европейцы не хуже других европейцев. А нам говорят, что «хуже», что именно «недоевропейцы».

Это не предмет для спора. Не следует доказывать очевидное. Это провокация – одна из тех, что поддерживают обман. И это попытка отнять у нас главный ресурс существования и развития – собственно историю. «Вы не отсюда – и это не ваше». Мы это уже слышали от Гитлера. И от Наполеона. Так что перед этими нациями, как верно сказал президент Путин, у нас нет комплекса неполноценности. Как и перед другими континентальными гостями.

Теперь они все наши партнеры по истории. Скажем честно: имеется кое-какой пиетет перед англосаксами. Мы их в войне не побеждали (да и войны как таковой в современном понимании не было – Крымская не в счет), по их территории не прошли. Однако и побеждены не были – поддаться обману еще не значит проиграть в смертельной схватке (в этом смысле не было никакого «поражения в холодной войне»). Они от нас всегда ускользали, всегда прятались за чужими спинами. Их истинное лицо еще нам не открылось. Потому быть нам партнерами по истории они пока не могут. И возможно, уже не смогут.

Так что русское самоопределение осмысленно только как европейское, только как европейцы мы можем занять изначально судьбоносную позицию, после чего выявится наша европейская уже специфика – возможно, весьма конфликтная и неудобная другим европейским же партнерам.

Вся целостность европейской истории обозрима. Общих посылов европейской цивилизации не так уж много. И ко всем мы так или иначе подключены.

Вот основные послы нашего собственно европейского исторического бытия:

– иудейское знание о Всевышнем, едином и невидимом Боге, доступное непосредственно только через племенную принадлежность еврейскому народу;

– греческое мышление, открывающее истину и освобождающее человека в его сущности от семьи, рода, племени;

– римская власть, основанная на военной силе, политике и манипулировании народами, ведущая к собственному самовозрастанию;

– вера в Христа, открывшая путь к Богу и истине для каждого.

Это все. Остальное – империи, науки, экономики, революции – явления соединения и перерождения изначальных элементов.

Наше происхождение

Родиной нашей культуры являются Спарта, Афины, Рим, Иерусалим и Константинополь. Термином «европейская» в отношении нашей цивилизации мы будем пользоваться в силу сложившейся традиции. Правильнее было бы говорить о «средиземноморской» цивилизации.

США, Латинская Америка, Канада, Австралия, Новая Зеландия – все это «выплески» европейской цивилизации за пределы «материнской», средиземноморской Европы. Такой же выплеск и зона ислама, точно так же являющаяся версией, ветвью единого европейского (средиземноморского) цивилизационного корня. К нашей цивилизации следует относить и Турцию, наследницу Османской империи, и Арабский Ближний Восток. Русские (народы Российской империи и русской культуры) – также европейцы по цивилизационному происхождению.

У всех перечисленных ветвей общая Святая Земля (от Иудеи до Мекки) и общий исходный планетарный регион самоутверждения – Средиземное море, а также близкие ему моря – Балтийское и Черное. «Морской» характер цивилизационного корня определил впоследствии и дальние морские (океанские) сообщения, само появление «выплесков». России пришлось догонять других европейцев в морском развитии, завоевывать выходы к морям. Трудности этого процесса дали России толчок к сухопутной экспансии, создавшей самую большую страну мира.

Борьба между ветвями европейской цивилизации (католиками и православными, коммунистами и либералами, христианством и исламом, между их государствами и империями) порождена именно их цивилизационным родством, близостью, а не различием. Именно друг в друге видят они достаточно сильного и опасного противника, имеющего сходные интересы и претендующего на те же ресурсы, а потому подлежащего покорению (или уничтожению)

в первую очередь. Такое соперничество – генетическая черта самой европейской цивилизации, важнейший механизм ее ускоренной эволюции, т. е. развития.

Борьба – действие, ведущее к мышлению. Борьба востребует мышление, направленное на реорганизацию и модернизацию имеющихся форм деятельности. Война развивает. Война оформляет и разделяет государства, но и создает общие интересы. Достаточно вспомнить хитроумного Одиссея, изобретающего все новые способы и приемы борьбы с превосходящим по силе противником, ищущего выходы из безвыходных ситуаций.

Мыслить то, чего еще нет, мыслить то, что еще только может быть создано или организовано, наличное же мыслить как доступное для изменений – эта установка и есть родовой код европейской цивилизации.

Платон две с половиной тысячи лет назад различил и разделил мир вещей и мир идей. Собственно, с момента этого различения и целенаправленного культивирования мира идей и начинается история. Именно в этот момент средиземноморская цивилизация принципиально разрывает с судьбой традиционных древних социумов. Теперь вся совокупность образцов жизни и деятельности, по которым воспроизводится тело социума, у европейцев находится, прежде всего, в «идеальном», в форме идей, а не только в виде материальных организованностей, подверженных распаду, неконтролируемым изменениям и т. п. Согласно Платону, подлинное существование есть только в мире идей. Вечное существование возможно лишь в мире идей в отличие от человеческого исторического мира, где у всего есть начало и конец.

У европейской средиземноморской цивилизации принципиально иной механизм воспроизводства, нежели у традиционного социума. Идеальные образцы жизни и деятельности противопоставлены людям внешним образом. Воспроизводство социальной системы осуществляется по этим образцам, а не через материальную преемственность поколений. Таким образом, сложная социальная организация и вся совокупность деятельности на новом месте (новом материале) может быть воспроизведена «с нуля». Более того, в процессе этого воспроизводства могут корректироваться «чертежи» и реализоваться модернизированная версия социума.

Это обстоятельство вместе с внутренней конкуренцией-борьбой-войной предопределило экспансионистский характер европейской цивилизации, а также ее способность восставать из пепла кризисов и разрушений. Там, где традиционные общества гибнут безвозвратно, европейская цивилизация воспроизводится, должным образом изменяясь сама и меняя материал.

Традиционные социумы также становятся материалом для нашей цивилизации и захватываются ею в более или менее конфликтном режиме. Поэтому европейская цивилизация захватила и взяла под свой контроль другие цивилизации на планете, имевшие другое устройство, другой родовой корень, другую священную землю (Гималаи). Индия, Китай, Япония, Юго-Восточная Азия, Африка (кроме Северной) не являются изначально частями, ветвями или выплесками европейской цивилизации. Тем более не являлись таковыми уничтоженные европейцами индейские цивилизации Северной и Южной Америки.

Сегодня (начиная с XIX века) неевропейские цивилизации последовательно сами осуществляют рецепцию европейских цивилизационных конструкций. Это последняя стадия подчинения их европейскому порядку. Китай начал с коммунизма, Индия – с аналога американской демократии, Япония – с империализма европейского типа. При этом все они в материале все еще остаются традиционными социумами (цивилизациями). Поэтому их историю, проблемы и противоречия развития нужно рассматривать особо. Здесь важно, что ни западное распространенное обобщение этих стран с Россией как «Востока», ни проведение любых аналогий между Россией и этими странами как «восточными» или «традиционными», «архаичными» совершенно неправильно.

То же самое можно сказать о наших цивилизационных «братьях» – исламских арабах, о Турции и ряде других стран, которые по происхождению, как и Россия, относятся к европейскому (средиземноморскому) родовому цивилизационному корню. Их точно так же нелепо рассматривать ни как традиционный социум, ни как планетарный «Восток» (Индия, Китай, Япония, Юго-Восточная Азия).

Их вера (в основном ислам) берет начало из того же корня, что и христианская, она лишь не стала доминантной в смысле европейского экспансионизма. Может быть, пока не стала. Мы связываем этот факт с отсутствием в этой вере явления Бога в образе человека, человек не имеет здесь своей, признаваемой Богом воли, нет идеи прощения человека Богом. Аллах – это во многом вернувшийся грозный Всевышний иудеев, устанавливающий людям правила и законы, не слишком интересующийся отдельной личностью, а тем более – каждой личностью, сообщающий нечто людям лишь по своему усмотрению, Бог Ветхого Завета. В этой вере меньше человеческого измерения. Это до известной степени контрвариация, шаг назад. Зато эта вера, по существу, не знает ереси человекобожия, светской веры в Человека как в Бога, ставшей главным кризисом христианства, причиной его возможного падения, основой как либеральной, так и коммунистической идеологии.

Россия – это Восток европейской цивилизации, прямое историческое продолжение Восточной Римской империи, образовавшейся после раскола Великого Рима. Никакого различия в цивилизационном происхождении между Россией и, например, Грецией просто нет. Различие – в масштабах сохраненного наследия. В России он несопоставимо больше. Россия защищалась и не была завоевана. В этой связи становится понятной особая заинтересованность России в твердых позициях на Балканах.

Одним из главных объектов критики советской историографии была идея «Москва – третий Рим» (и в этом советская наука была преданным союзником историографии западной). Критиковалась в основном претензия на якобы ничем не обеспеченное величие. Якобы далеко и Москве, и России до двух величайших в европейской истории империй.

Дело, однако, в другом. Москва – не третий Рим, а второй Константинополь. Таково наше действительное происхождение. Определяя и признавая свой генезис, мы активизируем программный, генетический, а точнее, культурно-исторический код, который заложен в фундамент нашего исторического существования.

Эта идея невероятно важна и самодостаточна. Не имея ответа на вопросы «Кто мы? Откуда?», нельзя ответить правильно и на вопрос «Куда мы идем?».

Основания европейского проекта

Собственно, цивилизация как европейское понятие – это искусство жить в городе, т. е. в точке концентрации всех процессов, определяющих собственно человеческое бытие. Этим точным термином мы обязаны римлянам, а самим городом – грекам.

Античный полис – это больше, чем государство или общество. Это, собственно, и есть отклик человека на призыв бытия к расширению его сущности. Деревня – всегда внутренний, встроенный, подчиненный элемент европейской (средиземноморской) цивилизации, который наша культура всегда эксплуатирует и по необходимости организует. Можно представить себе аграрные цивилизации, в которых власть организует жизнь и деятельность в основном крестьян, будь то Китай или Египет. Но и там власть и государство для своего утверждения нуждаются в защищенном городе, нуждаются в цивилизационной основе. Китайская деревня также цивилизационно несамодостаточна. Была, пожалуй, только одна цивилизация, противопоставляющая себя городам, где силовой фактор закреплен не в городе (и даже не в замке), – кочевников Чигисхана, но экспансия монгольской империи была столь стремительной, что еехватило лишь на пару столетий.

Европейская цивилизация – это, прежде всего, европейский город. Черты греческого (римского) города по сей день проступают в облике любого полноценного европейского города: храмы, административные здания, площади, стадионы, цирки, каменные дома. Города переживают захватившие их государства.

Основателями европейской цивилизации являются греки. Они сделали общедоступной культуру города, культуру искусственного происхождения всего, культуру, имеющую авторов и конкретное место, время и обстоятельства создания каждого элемента, культуру человека, которому открывается истина. Которую мы и определяем как культуру мышления. Греческая программа мышления является также и программой учреждения соответствующей этому мышлению социальной организации.

Собственно, проект европейской цивилизации подытожил и внятно сформулировал Платон. Проект этот строится на противопоставлении мира идеального (мира идей), того, что существует вечно и независимо от жизни людей, и мира материального – мира человеческой повседневности и вещей, т. е. мира временного и преходящего во всех своих проявлениях. Платон утвердил принцип устройства человеческого мира вещей по образу и подобию, в соответствии с устройством мира идеального и его «жителей» – идей. При этом мир идей имеет приоритет, он первичен по отношению к миру вещей. Подобие является односторонним принципом. Вещи подобны идеям, но не наоборот. Мир идей содержит идеи и отношения между ними, которые не подобны никаким вещам. Нельзя «прийти» к идеям, «идя» от вещей. Идеи можно лишь «вспомнить». А вот прийти от идей к вещам и можно, и нужно. Этот путь и есть собственно История.

Основной единицей соответствия человеческого мира миру идеального (а значит, и единицей цивилизации), по Платону, является государство. Государство – своего рода клетка цивилизации. Основными отличиями проекта цивилизации, т. е. государства, по Платону, от существовавших великих цивилизаций Египта, Вавилона и других традиционных обществ стали:

– возможность освоения человеком идеального пусть и относительная, но способная к продолжающемуся развитию. Платон обосновал реальность участия человека в мышлении, т. е. самое существование мышления как человеческого;

– принцип наложения проекции идеального на материал дает свободу относительно природы материала, из которого создается государство. Платоновское государство, а значит, и европейская цивилизация, может быть реализовано в принципе на материале любого или нескольких любых этносов, традиционных обществ. Разница будет лишь технической. Такое государство не зависит от традиций и сакрального в них, от рода как такового, т. к. в основе лежит доступное любому человеку, а не только определенной касте, жрецам идеальное, мир идей. Присоединяясь к вере греков, человек покидает род как единственное и главное основание своего бытия. Это не значит, конечно, что родовая организация общества исчезает. Но она становится материалом, который начинает жить по законам другой системы, в которую он включен. Собственно, греческие, а впоследствии и римские боги были обречены уже в этот момент.

Осуществленная самим Платоном попытка опробовать проект на конкретном греческом городе-государстве не имеет исторического значения перед лицом той тотальной реализации проекта, которая последовала после. Европейское государство-цивилизация универсально и независимо от материала реализации (материал зависим от него) и поэтому абсолютно экспансивно. Вместе с проектом государства-цивилизации возникло и представление о возможности экспансии одного государства-цивилизации на весь географический мир, создание ойкумены, империи. С этой версией проекта Аристотель отправил Александра Македонского в первый поход, а римляне доказали принципиальную жизнеспособность и историческую реализуемость такого проекта.

С тех пор идея мирового господства одного государства, борьбы государств за это господство, является ведущей в европейском цивилизационном развитии. И сегодня европейцы от нее не отступились. Отказ от этой идеи означал бы отречение от самих основ европейской цивилизации.

Потому наличие своего государства, своей страны – единственный способ жить и быть, т. к. европейская цивилизация в силу своего устройства основана на внутренней борьбе и внешней экспансии. Отказ от своей страны означает, в принципе, отказ от дальнейшего существования в качестве носителя цивилизации такого типа.

Принцип исторического синтеза

История России есть история европейской (средиземноморской) цивилизации, ее восточной самодостаточной ветви. Но никак не какой-то части европейской цивилизации и никак не того, что ей противостоит. Это значит, что история России – это и история Европы, понятая как своя собственная, а также – и мировая история, понимаемая как развитие и распространение европейской цивилизации.

История России – это история всех народов (в общем-то одного русского сверхнарода), вместе создавших и Киевскую Русь, и Российскую империю, и Советский Союз, вместе раздвигавших границы европейской цивилизации. Мы обладаем наследием Крещения Руси, православным христианством, а также уникальным историческим и культурным опытом общей государственной жизни в течение более 500 лет на одной территории, опытом солидарного общежития православных христиан и мусульман. По праву прямых наследников нам всем и каждому из нас принадлежит вся наша европейская история, все достояние европейской культуры.

Русские (все русские по государственной культуре народы) «генетически», культурно и социально совместимы с западной ветвью европейской цивилизации. Поэтому возможны переносы и обмен элементами между ветвями. Поэтому возможны взаимная «любовь», «ненависть», «ревность», «зависть» и т. п. Но и радикальные отличия вплоть до противопоставления (и невозможности определенных «переносов») понять нельзя, не разобравшись в истории развития общего корня.

В постижении особенностей своего исторического пути нам не поможет вульгарно-материалистическое славянофильство – что у нас якобы «все свое», «традиционное», иное, изначально и всегда происходящее в ином месте и в иное время. Так может быть у Китая или Индии (но и у них не до конца так), или у Бутана и Непала, но точно не у России.

Так же бессмысленна «теория» двух идентичностей русских – «западной» и «восточной» («азиатской») – предлагаемая западными идеологами для наделения нашего сознания шизофренией и создания почвы для гражданской войны. История России должна мыслиться и делаться как история европейской цивилизации, как «фокусировка» общего средиземноморского исторического процесса.

Россия – один из героев общеевропейской цивилизационной драмы. По отношению к ней применим принцип греческого театра – единство времени, места и действия. В этом плане греческая трагедия – предшественник христианского историзма, для которого в качестве обреченного на гибель героя выступает человечество, а в качестве единого места и времени – собственно история человечества, имеющая начало и конец. Христианский апокалипсис (окончательное откровение, открытие всех тайн) – интеллектуально позитивный, развитый род катарсиса. Можно сказать и по-другому: историческое знание приобретает смысл лишь при актуальном синтезе в понимании, в отличие от естественно-научного знания, синтез которого может быть «отложен» и вынесен в более общее философско-методо-

логическое и теологическое пространство, в развитие предмета, а смысл может быть и вовсе не востребован.

Из сказанного вытекает важное методологическое следствие. Чтобы понять историю России, нужно из позиции этой истории промыслить и общую европейскую, мировую историю, и историю западной ветви европейской цивилизации, с тем чтобы понять их как свои собственные. Одну – как тождество, другую – как отличие, но не внешнее, необъяснимое, неумопостижимое, а внутреннее, рожденное собственными механизмами развития. Легко догадаться, что такая картина исторического процесса будет сильно отличаться от картины, представляемой на Западе. Западную историю придется освободить от западной же идеологии, т. к. нет более эффективного носителя идеологии, чем исторические представления и знания.

Первое, что мы должны сделать как для целей исторического синтеза, так и для деидеологизации западного историзма, – отказаться от идеи интеллектуального, культурного и цивилизационного превосходства Запада. Идеи столь естественной и для западников, которые высказывают ее открыто, и для славянофилов, которые скрывают ее за ширмой нашего «особого пути», замкнутости, несравнимости с Западом. Идея превосходства как идея истории основана на нашем «отставании» от западной ветви.

Да, мы более поздняя и потому во многом более, а не менее исторически развитая ветвь европейской цивилизации. Мы на многие современные события западной ветви смотрим из будущего, многое из западного исторического будущего для нас уже в прошлом. Произрастая из единого цивилизационного корня, мы находимся в постоянном и двустороннем (а вовсе не одностороннем – только от «них» к «нам») обмене культурными и цивилизационными результатами исторического творчества, в процессах обоюдного и взаимного влияния. Наши мышление, деятельность и культура принципиально «генетически совместимы». Поэтому никакое достижение «у них», как и «у нас», не может являться решающим преимуществом ни для кого в историческом состязании.

Нам нужно отказаться от идеи «исторического мира и полного объединения с Западом» как от вредной и исторически неперспективной утопии. Эта утопия разрушила наше государство в 1985–1991 годах. Это ни в коем случае не означает подготовки «превентивной» войны (такого в нашей истории вообще не было) или отказа от военных, экономических и политических совместных действий. Напротив, базируясь на собственном суверенитете, а далее и общем «Восточно-европейском проекте», мы можем такие действия совершать, а при определенных условиях и навязывать. Например, «Европу от Атлантики до Тихого океана». Разумеется, такой план подразумевал бы замену США на Россию в роли гаранта общеевропейской континентальной безопасности и развития.

Никакого нашего растворения «в Западе» не может быть ни в каком обозримом будущем. Наш вариант европейской цивилизации до конца не исчерпан в своем историческом развитии. «Слияние» означало бы решение проблемы раскола Великой Римской империи на Западную и Восточную, что не просматривается. «Диалектика» их относительно самостоятельного развития и отношений пока не понята и не отрафлексирована.

Главный кризис Запада (а значит, и наш) еще впереди. Запад по-прежнему хочет подчинить нас политически и экономически. Другой исторической концепции развития и целей у него нет. Мы должны быть раздроблены и ассимилированы. Наши ресурсы должны быть захвачены и использованы. Нам не стоит об этом забывать. Поэтому наш план должен заключаться в самосохранении и ассимиляции элементов посткризисного Запада. И он (план) не может быть чисто военным.

Столицу империи на Восток двинул сам римский император (ее не варвары учредили). Мы называемся третьим Римом ошибочно: по существу, мы являемся вторым Константинополем. К этому привела христианская революция европейской цивилизации. Языческие

культы востока Средиземноморья оказали меньшее сопротивление христианизации, нежели западные, религиозное сознание этой территории оказалось созвучно христианству. Западная империя гнила, прежде всего, изнутри, варвары лишь добились ее, а Восточная после этого простояла еще тысячу лет. Она – Византия – в конце концов пала (само падение, впрочем, было растянуто на двести пятьдесят лет) и уступила геополитическое первенство Западу, но как цивилизация непосредственно продолжена нами. Мы просуществовали еще тысячу лет, но теперь вновь встал вопрос о будущем.

Поэтому нам надо полагать реальность и непрерывность нашей собственной истории как истории европейской цивилизации, продолжать и развивать свою собственную философию, прежде всего постмарксизм и православное философское богословие, а также строить на их базе собственный корпус социально-гуманитарных дисциплин. Нам нужна критическая рефлексия английских, французских и немецких заимствований в нашем мировоззрении и их проблематизация через призму нашей истории.

Две цивилизационные ветви – это надолго.

Нет смысла верить в свое падение, поражение и уничтожение как в историческую неизбежность и даже данность – это просто глупо. Однако сегодня нам навязывается именно такая уверенность в качестве господствующей идеологии. Стоит возвысить голос против системного, идеологического поклонения Западу – и в ответ поднимается многоголосый вой «экспертов», «ученых» и «общественности». Не стоит забывать, что Запад свои успехи (включая капитализм и науку) все равно получил за счет веры, а теперь именно религиозные (и в поверхностном, и в глубинном смысле) основания западной ветви европейской цивилизации (и западной веры) находятся в глубочайшем, многоуровневом и многоэтапном кризисе, в том числе и сравнительно с нами. От такого «партнера» с неизбежностью нужно ждать подвоха, подножки и предательства на каждом шагу.

Глава 3

Наше государство

Наше государство изначально есть империя. Мы не просто защищаем кусок земли и собственную этническую принадлежность. Наше государство – самодостаточный планетарный носитель для полного воспроизводства культуры и цивилизации, человеческого бытия.

Разумеется, у европейской цивилизации не один такой носитель. Мы находимся в отношениях конкуренции и взаимовлияния с другими носителями этого же класса. Это определяет нашу историческую динамику, актуальную желательность и потенциальную возможность нашего устранения другими сомасштабными государствами-империями. В принципе, любое государство по своей сущности претендует на то же самое, что и мы. Но не все могут справиться с этой задачей в течение всего времени своей исторической жизни.

Считалось, что по итогам Первой мировой войны с Русской империей покончено, как и с Австро-Венгерской, Британской, Османской и Японской. Но по итогам Второй мировой оказалось, что не покончено. Многие страны выбыли из этого состязания и теперь являются сателлитами, фактическими элементами империи США. Но это пока не мы. Надеемся, что нас оставят в покое, не приходится – из-за нашей исторической претензии, на которую «настроена» наша культура, социальные институты и политические традиции. А также из-за всех тех богатств, которыми мы пока обладаем благодаря труду и деяниям всех русских поколений.

«Русский» – это не этническая принадлежность, это, прежде всего, государственный статус человека (речь не о должности), обоснованный общей историей, культурой и языком. «Русский» – это осознанная опора на русское государство для личного участия в истории, обретения смысла жизни. Только империя может позволить и себе и человеку освободить

и свою и его идентичность от ограничений натурального, в том числе генетического характера, предоставить человеку историческую свободу не только от рода, племени, но и от так называемого «общества».

Это свойство империи есть прямое проявление характера европейской цивилизации, выражающегося в принципиальной экспансивности, безразличии к материалу реализации, отсутствию изнутри установленных пределов. Поэтому любые конкретные границы для европейца по культуре – явление временное. В принципе волей Бога (или «человека», занявшего Его место) должны быть охвачены все люди, весь мир. Отсюда – целенаправленное европейское проникновение за известные географические границы, миссионерство, конкиста, тотальная (в отличие от античной) колонизация территорий (греки селились только у берега моря и не шли в глубину). Мы участвовали в этом процессе одновременно с другими европейцами, преодолевая в первую очередь не море, а сушу в планетарных масштабах. Освоение нашего собственного пространства и сегодня остается нашей цивилизационной целью.

Государство европейского типа

Мир окончательно захвачен европейской цивилизацией. Те страны, что изначально не принадлежали к этой культуре, вынуждены европеизироваться. Однако это не означает само по себе, что мир должен стать буквально одним государством. Империя сегодня может строиться за счет отношений подчинения территориальных самоуправлений (формально имеющих титул государств) реально суверенному государству (формально их в себя не включившему).

Идеология тотальной власти над миром сегодня доминирует, она представлена в «безобидной» фразеологии «глобализации». И создана эта идеология – так же, как и ее практика – вовсе не США, а католической церковью. Вот ее краткое выражение: «один Бог, один Мир, одна Церковь, один Папа». Собственно, эта идея и выражена в слове «католический» – т. е. в переводе с греческого «вселенский, всеобщий».

Ортодоксальная (православная) христианская вера допускает существование многих самодостаточных церквей, решающих одну задачу. Мы не стремимся к прямому господству над миром и сейчас. Мы отвечаем за свою самодостаточность.

Посткатолическая идеология власти сегодня представлена в мире неявно. Она используется в реальной политике вовсе не Ватиканом, а современной версией Британской империи, созданной на базе США (передача управления состоялась по итогам Второй мировой войны) и имеющей в качестве государственной религии светскую веру в демократию.

Европейская экспансия на новый материал продолжалась не менее двух с половиной тысяч лет с момента ее создания. За это время из захолустья и задворков географического мира европейская цивилизация почти полностью поставила под контроль планету. Этот процесс шел несколькими путями.

Россия более 1000 лет назад осознанно и согласно самостоятельно принятому решению стала источником европейской экспансии. И сформировалась на этом первом пути как страна и государство. Поэтому мы и говорим об общем европейском цивилизационном корне. Большинство стран Западной Европы шли вторым путем – за счет завоевания и подчинения. Они европеизировались извне.

Третьи страны, изначально сформированные безотносительно к Средиземноморью, попали на путь европеизации – внешнего влияния европейской цивилизации – совсем недавно. Объем этой европеизации включает в себя «не много» и точно «не все», по сравнению с Западной Европой он принципиально ограничен. Это только капиталистическое про-

мышленное производство, наука и инженерия, а также демократические представительские формы правления.

Япония приняла этот «пакет помощи» во второй половине XIX века и «в расщелку» (демократизация стала актуальна только после поражения во Второй мировой войне), а Китай и Индия – во второй половине XX века. То же касается и Юго-Восточной Азии в целом. При этом Китай, Вьетнам, Северная Корея заимствовали не демократию, а коммунизм.

Эти недавние по историческим меркам заимствования обусловлены, прежде всего, стремлением к суверенитету, желанием уравнивать военные и геополитические шансы с «гегемонами», такими как США, СССР, «развитые» страны Европы, а не с «любовью» или с «завистью» к европейской цивилизации. С точки зрения человеческого материала, культуры, традиций и привычек эти страны существенно не изменились. Они разительно отличаются от географической Европы и США. По итогам XX века эти страны своей цели добились – они обрели военное, экономическое и политическое влияние, сопоставимое США, а Китай даже обладает реальным суверенитетом, что позволяет ему быть своеобразным экономическим партнером США. Эти страны «последней волны» европеизации в наименьшей степени находятся под идеологическим контролем глобальной имперской политики США, придерживаются позиций функционального вассалитета и не имеют собственных цивилизационных претензий европейского типа. Такие претензии есть только у США, Западной Европы и России.

Русское государство и его враги

Российское государство оформилось в качестве современного европейского государства уже при Иване Грозном, 500 лет назад. Слияние Московии, Казанского, Астраханского и Сибирского ханств можно рассматривать как учреждение современной России. Кроме того, именно при Грозном возник класс чиновничества, и сегодня являющийся основой Российского государства.

Примерно с этого же времени Западом ведется борьба на уничтожение нас как государства государств, как цивилизации. Управляющими этим процессом последние 300 лет являются Британия и, в качестве ее преемника, США. Непосредственных исполнителей всегда хватало. У стран материнской средиземноморской Европы мы всегда вызывали ненависть и агрессию, всегда приходилось обороняться – от поляков, шведов, немцев, французов...

Мы в отличие от них не ставили цель завоевать географический мир. Мы не уничтожали другие народы. Но мы не дали Азии завоевать Европу – и наоборот. Мы не колонизировали присоединенные территории, а делали их равноправной и полноценной частью страны. Такой стала европейская цивилизация в нашем восточноримском, «византийском» исполнении. Тысячелетняя ненависть Запада к Византии теперь обращена на нас. При этом мы отвечаем за куда большую и богатую часть континента.

Мы тысячу лет играем в обороне, а не в нападении. Поэтому русская онтология, принцип существования русского государства и русской власти – это совместное имперское государство, способ совместного исторического действия для всех народов России, основанный на развитии, заселении и освоении ее территорий. Россия за время своего существования построила исторически реальный, а не утопический межэтнический и межконфессиональный мир. Возможным это стало не за счет правовой и политической техники, а прежде всего, за счет действительного цивилизационного лидерства русских, за счет партнерства народов в исторической деятельности. Поэтому нам нельзя ограничивать себя рамками национального государства образца XIX века, которые активно навязываются нам как «современные»

механизмы и суть демократии «для нас». Такой русский национализм заведомо разрушителен для нашего способа исторического существования.

Континентальные государства Западной Европы выступали в качестве непосредственных военных врагов Российской империи. Таким же врагом была Османская империя – с XVII по XX век. Западноевропейские страны – Польша (XVII век), Швеция (XVIII век), Франция (XIX век), Германия (XX век) – покушались на Россию в целом и в результате проиграли начатые ими континентальные военные кампании, определившие западно-европейские границы Русской империи. Все эти кампании ставили целью завоевание и ликвидацию России.

Сама Великобритания воевала с нами непосредственно только два раза: в Крымскую войну 1856 года и интервенцию 1918 года, и оба раза в составе сил «коалиции». Однако, будучи долговременным геополитическим противником всех континентальных стран как таковых (воюя против Испании, Франции, позже Германии), Британия стала основным геополитическим противником России как большей и основной части континента, способной взять его под полный контроль. Кроме того, Британия всегда рассматривала Россию в качестве главного своего препятствия на пути к колонизации Азии. Политика Британии, которая из этих стратегических, управленческих соображений чаще становилась тактическим и формальным союзником России (и успешно маскировалась в этой роли), всегда была направлена на создание военных конфликтов для России, управление непосредственными военными противниками России, обеспечение для них благоприятных условий, на то, чтобы не допустить создания континентальных союзов с участием России (Россия – Франция или Россия – Германия). Британия боролась с Россией с помощью Турции (XVII – XIX вв.), Персии (XVIII – XIX вв.), Японии (1905 г.) и, в конце концов, с помощью гитлеровской Германии (1941 г.). Став империей, лидером в борьбе за мировое господство, Британия не могла смириться с существованием другой империи сопоставимых размеров, при этом недоступной для завоевания «через море». США не могут смириться с этим и сегодня.

Геополитические цели Британии лежали внутри цивилизационных. Британия раньше других западноевропейских стран (почти на 150 лет раньше Франции) прошла через буржуазную революцию, направив экспансию буржуазии вовне страны, решив тем самым проблему отношения общества и государства. Алчность и жажда власти, присущие английскому обществу, были канализированы британским государством на другие территории. Сумев в ходе революции быстро восстановить государственное управление и государственную власть, Британия создала огромные колонии, которые, отделившись от нее, приняли у нее цивилизационную эстафету. США, Канада, Австралия, Новая Зеландия вместе с самой Британией – сегодня это так называемый «бритиш пипл», как говорят сами англичане, единая цивилизационная сила, несмотря на множественность составляющих ее государств.

Возникновение США фактически стало результатом экспорта буржуазной революции за пределы самой Британии, которая стала революцией Американской. Однако это не единственный результат британской международной деятельности. Великая французская революция, которой сами французы так гордятся, есть всего лишь перенесение на французскую почву английских буржуазных политических идей, а сами французские просветители вторичны по отношению к английским буржуазным философам, идеологам, политическим проектировщикам. Наполеон, по сути, лишь подобие Кромвеля. Россия стала следующей целью британского революционного экспорта после Франции и через Францию в том числе.

Англия выработала собственную философию, оппозиционную магистральной линии развития европейского идеализма, идущей от Древней Греции через христианский монотеизм к немецкой классике и далее к марксизму и постмарксизму. Британский эмпиризм и агностицизм стал основой государственной демократической идеологии – краеугольного камня Американской революции и конституции. Так, **Джон Локк** – один из социальных

инженеров-проектировщиков государства в США. В отличие от Платона он был лично успешен.

Британия внесла свой вклад в Реформацию и раскол Католической церкви созданием независимой Англиканской церкви, которую возглавляет не иерарх, а глава государства, что доводит протестантскую революцию до логического конца. Это привело впоследствии к развитию, прежде всего, в британской Америке не антиклерикальной атеистической веры, как на родине Просвещения Франции, а к размножению сект и захвату нового колониального пространства гонимыми на континенте еретиками.

Именно США создали конституцию как элемент государственного устройства, воспринятый в качестве цивилизационного стандарта сначала в Западной Европе и уже через нее навязанный России.

Британия и ее исторический наследник, преемник и продолжатель США сформировали полностью альтернативный русскому способ освоения территорий, предполагающий полное искоренение или порабощение живущих там народов, доведя до совершенства, собственно, западноевропейский способ. Россия в отличие от европейцев, ставших американцами, не освобождала для своей «крови» и культуры территории, а укрепляла жизненные ресурсы населяющих ее народов. Повторить «успех» США в зачистке жизненного пространства, необходимого для создания государственной территории в сопоставимом масштабе, в самой Западной Европе попыталась лишь гитлеровская Германия.

И не случайно Иван Грозный, фактически создавший Российскую империю, стремился к династическому браку именно с английской короной, а не с какой-нибудь другой. В постримской и поствизантийской европейских цивилизациях по сей день никогда не завоеванными и не покоренными остались только два сверхгосударства: империя Британии – США и Русская империя. Трудно назвать это исторической случайностью.

Корни русофобии

Русофобия – это патологические страх и ненависть, имеющие характер психической проблемы и соответствующие клинические проявления. Это синтетическое историческое явление, порожденное долговременной геополитической и цивилизационной целевой установкой на ликвидацию Руси и России и регулярными неудачами в достижении этой цели. С западной русофобией бессмысленно бороться, пытаясь изменить, улучшить «имидж», «репутацию» нашей страны, поскольку сама русофобская аргументация иррациональна.

Пока не будет отменена установка на уничтожение России, не может исчезнуть, не может быть излечена и русофобия.

Это не значит, конечно, что не нужно разоблачать «мифы о русских» и заниматься контрпропагандой. Но надо понимать, что тот, кто принял западную позицию против России как против врага и конкурента и вместе с тем органично согласен с мифом о естественном превосходстве Запада, на деле является расистом. А расизм не лечится с помощью рассуждений. Он искореняется путем победы и наказания.

Основа русофобии заключена в факте незавоеванности и непокоренности России, который западное сознание не приемлет – «вытесняет», как сказал бы психоаналитик. Цивилизованный хозяин не цивилизовал силой, т. е. не насиловал, следовательно, не учил, не исправлял своей властью, не оплодотворял, наконец, косный материал, который представляют собой варвары, живущие к востоку от Польши и Австро-Венгрии. Из этого факта делается непосредственный вывод об очевидной нецивилизованности непокоренного. Другого варианта цивилизования западные европейцы не знают, поскольку сами, будучи варварами, были учены римлянами именно этим путем – из-под палки, через рабство.

Достоин сожаления, что, прежде всего, из-за философской слабости позиций сам спор славянофилов и западников о превосходстве западного или русского путей исторического развития стал каналом трансляции западного мифа и пропаганды – через роли обоих участников спора.

Главный тезис любой русофобии состоит в обвинении России в отсутствии свободы и права. Все остальные тезисы о «русском варварстве» зиждутся на этом фундаменте. На деле Русское государство стояло на основах справедливости, то есть более глубокой идеи, нежели право. Справедливость есть порядок, который готовы поддерживать и сохранять сами его участники. Право формально исполняет функцию справедливости, но оно уже требует принуждения. Достаточно просто прочесть Русскую Правду, чтобы оценить ее силу справедливого убеждения в сравнении с правовым принуждением.

Западная цивилизация к моменту создания Русской Правды отказывалась от идеи справедливости дважды, пока та не вернулась в образе социализма. Рим, уходя от принципов справедливости, создал свое римское право. Второй раз тезис справедливости был отвергнут Западом на выходе из «темных веков», на рубеже XI – XII веков вместе с отказом от построения «Града Божьего на Земле». Этому цивилизационному слову соответствует начало рецепции римского права в Западной Европе.

Нет ничего удивительного в том, что Западная Европа воспроизвела римские порядки. Другой культуры у нее просто не было. Существенно, что буржуазный революционный процесс в Западной Европе (Англия – XVII век, Северная Америка – XVIII век, Франция – XVIII и XIX века) не пошел дальше выхолащенной, формализованной, лишенной содержания справедливости, понимаемой в негативном смысле как правовое равенство. Идеология замены справедливости правом владеет умами западной цивилизации до наших дней.

Таким же образом – либерально, в негативном смысле «от», а не «для» – была реализована и идея свободы. Свобода, равенство и братство как содержательные понятия – в христианском понимании – так и не были достигнуты Западом. Христианская свобода – «для», а не «от», и уж точно не ради торговли. Христианское братство – в Боге – исключает расизм, которым насквозь пропитано западноевропейское мировоззрение с его обязательным делением мира на цивилизацию и варваров. Это размежевание является для Запада основной идеологией завоевания и покорения. Христианское равенство – в Боге и перед Богом, т. е. преодолевающее фактическое неравенство индивидов.

После падения Византии русская православная монархия осталась единственной в мире носительницей идеи справедливости как действительной социальной гармонии и стабильности, а также свободы, равенства и братства в христианском понимании. Позже эта идея войдет и в русский коммунистический проект. Поэтому, решив проблему исторического выживания, внутренне укрепившись, Россия превратилась в серьезного не только геополитического, но и цивилизационного конкурента Западу. Конкурента, которого Запад уже однажды уничтожил в виде Восточной Римской империи (Византии). И намерен уничтожить вновь.

Семейный союз народов

До создания единого имперского государства русских, в период т. н. «монгольского» завоевания (которого, скорее всего, не было в буквальном смысле, т. к. современные генетические исследования почти не находят ни у русских, ни у татар следов монгольского генотипа), русские вовсе не были цивилизационно уничтожены или «перецивилизованы», покорены. Они существовали в цивилизационном общении с монгольским (по принятому историческому определению) государством. По существу, подчинение русских состояло в

уплате дани – ясака, а также получении русскими князьями вассального «мандата» на правление – ярлыка.

Русские не утратили ни своей культуры, ни своей религии, ни своей социальной организации. Они не должны были скрывать их и прятать. Русских не уничтожили (и не уничтожали) как народ. Русские восприняли от «монголов» (напрямую или через народы-посредники) лидерские цивилизационные идеи: идею большого государства – вместо мелких разрозненных княжеств, освоения большого континентального пространства – онтологию «степи».

«Монголы» подчинили и Китай, который тоже остался при своей культуре. Они были безусловными цивилизационными лидерами. Именно «монголы» показали, что «человек на лошади» может определяться не в локальных границах города или небольшой страны, а на континенте в целом, рассматривая его как пространство своей жизни и деятельности. Чингисхан ненавидел города, он не просто перемещался в пустых просторах, он в них жил и действовал. И вывел в них большой народ. Степи и пустыни стали не препятствием, а возможностью для продвижения на континентальные (планетарные) расстояния: ведь лес и горы это серьезные препятствия. Степь и пустыня для «монголов» стали тем же, чем океан для европейцев, причем на триста лет ранее. Именно «монгольской» («татарской») школе мы отчасти обязаны последующим приобретением 1/6 части суши. «Монголы» привили нам и нашу пресловутую «морозостойкость». Ведь они двигались, жили и действовали в условиях суровых континентальных зим, когда 50-градусные морозы держатся месяцами.

В процессе распада «монгольского» государства русские выделились из него вместе с несколькими другими этносами, объединившимися в одно государство вместе с Московией. Имевшие место военные конфликты не были войной народов. Они были не более чем борьбой за власть в одном общем пространстве нового государства. Государство русских сложилось с полноценным участием других народов без их завоевания, колонизации, покорения или тем более истребления. Московия вместе с Астраханским, Казанским и Сибирским ханствами образовали крайне жизнеспособное государство – Россию, основанное на семейном союзе народов, подлинном братстве, отсутствии какого-либо расизма и этнической неприязни. С 1654 года Российское государство строится совместными усилиями русских, белорусов и украинцев. Все они – ветви одного многоэтнического русского народа.

В России не был уничтожен ни один, даже самый малый этнос или народ. Каждый народ сохранил и «внутреннее» пространство, самоуправление. Каждый народ мог делать «карьеру» в империи в целом. За такую «большую» Родину имело смысл бороться и умирать.

Принцип братства был реализован в конструкции Российского государства задолго до того, как он появился на знаменах и в геральдике Запада, в ходе Великой французской революции. И где он никогда не был реализован, включая самые последние концепции «мультикультурализма», предназначенные для удержания в узде как натурализованных, так и нелегальных эмигрантов, используемых для старой доброй Марксовой эксплуатации труда.

Русское государство исторически защищало Православную Церковь. При этом другие вероисповедания, прежде всего ислам, не чувствовали себя ущемленными. Напротив, мусульманам, отличившимся на государственной и военной службе, полагались специальные награды. Русское государство традиционно защищало ценности, являющиеся общими для православия, мусульманства, иудаизма. Так называемое светское, а тем более антиклерикальное государство к этим ценностям безразлично или даже враждебно. Русская держава должна сохранить эту традиционную опору на межконфессиональный консенсус, а сам консенсус должен стать предметом для институционального проектирования.

Глава 4

Наша революция

Наша революция совершена не нами. И не французами, от которых мы, как нам кажется, импортировали ее в течение XIX века, съездив «на экскурсию» в Париж в 1815 году.

Буржуазную революцию как способ подчинения государства обществу исторически создали англичане, Наполеон лишь продолжил в континентальных условиях дело Кромвеля, который при жизни – в отличие от Бонапарта – так и не потерял власть. Но наши аристократы были лишены удовольствия лично столкнуться с Кромвелем, они встретились лишь с Наполеоном. Франция казалась им оригинальным образцом, в то время как им в действительности была Англия. Французская философия и идеология революции – Просвещение – всего лишь переписывала на свой литературный манер английский сенсуализм и его натуралистическую пропаганду. В то время как французы марали утопиями бумагу и жили за счет культурного и политического наследия Ришелье, Мазарини и Людовика XIV, Англия уже почти полтора столетия совершенствовала государственный механизм нового типа. Она уже отобрала господство в Новом Свете у Испании, создала и потеряла главную колонию в Северной Америке, сделала из этого исторические выводы, превратилась в мировую империю, основанную на колониях постамериканского типа.

Нельзя сказать, что наше руководство было не в курсе происходящего. Великий политический проектировщик английского империализма и идеолог власти, основанной на простых элементах – «боли и наслаждении», к которым и сводится человек как политическое и общественное животное, **Иеремия Бентам** лично консультировал Александра I и его конституционного советника Сперанского. Но не срослось.

Буржуазия пришла к власти в России лишь в феврале 1917-го. Кошмар продолжался полгода. После, ценой террора и Гражданской войны, была восстановлена централизованная государственная власть. Монархия и православие уже не могли сдерживать революцию, это сделали диктатура и немецкая религия коммунизма (социализма). Эту последнюю разделяло подавляющее большинство всех Государственных дум и русских парламентских партий, большевики же сделали ее еще и общенародной.

Суть буржуазной революции

Победа общества над государством, составляющая суть буржуазной революции и ее английского оригинала, предполагает обращение общества вовне и ограбление колоний и других стран через «свободу торговли», которую и обеспечивает государство. Франция, пройдя через революцию, была успешна ровно настолько, насколько ей удалось развернуть систему собственных колоний и навязать свой экспорт складывающемуся мировому рынку. А какие колонии собиралась получить Россия? И способна ли она на это?

Проблема власти внутри страны после буржуазной революции решается за счет другого механизма. Знамена этой революции потому и украшены броскими лозунгами свободы и права, что в социальной действительности давно уже выработаны совершенно другие, во многом невидимые, лежащие за пределами правового поля и государства многочисленные механизмы власти, нежели те, которые публично критиковала и отменяла революция. Восстание для того и было нужно, чтобы ограничить старую власть – власть публичную и государственно контролируемую, нормированную правом – и дать возможность резко расширить применение новых, чисто общественных механизмов власти и подчинения. Полагаемый Просвещением Человек и есть на деле объект этих новых механизмов власти. Сегодня о них говорят как о дисциплинарной власти и дисциплинарном обществе. Нетрудно заме-

тять, что наемный труд стал одним из величайших механизмов такой новой власти, созданной во многом именно буржуазией.

В России же дисциплинарное общество в отличие от Запада вовсе не предшествовало как факт буржуазной революции, а было создано ускоренными темпами, проектно в результате действий уже Советского государства. Поэтому после демонтажа публичной государственной власти, основанной на самодержавии, в России возникли хаос и безвластие.

Буржуазная революция может вести не только в будущее, но и в прошлое.

Продолжение нашей буржуазной революции последовало в 1991 году уже в абсурдном варианте с точки зрения английской классики XVII века (и французской XVIII века). Власть от самораспустившейся коммунистической церкви была передана номинальной «буржуазии», которую еще только предстояло создать усилиями самого государства. То есть власть была передана номинальным держателям и внешним управляющим ставшей бесхозной общенародной собственности. Новой олигархии, которая только еще должна была ограбить, но уже не колонии и покупателей дорогих промышленных товаров, как это было в Англии и Франции, а присвоить в первую очередь уже накопленное национальное богатство.

Английская буржуазия захватывала власть, чтобы сделать свое государство инструментом мировой экспансии. Она продвигала – в первую очередь через философию и идеологию, а также с помощью штыков и пушек – идею свободной торговли как механизма и денег как сущности богатства по всему миру, прежде всего, чтобы создать контролируемые ею самой механизмы концентрации, «втягивания» ресурсов всего мира. Свобода торговли всегда понималась Англией как прежде всего английская свобода, английское преимущество английской торговли на английских условиях.

Двух таких центров влияния одного типа в мире быть не может.

Сегодня это влияние перешло от Англии (Великобритании) к США, модернизировалось. Но суть осталась той же. Если мы принимаем эти правила, значит, тоже должны стремиться взять верх над соперником, отобрать у него преимущества, неизбежно вести нескончаемую борьбу, в которой выживет только один. Иначе наша революция обернется против нас самих. Но исторически мы никогда этого не делали. А без войны такие преимущества не отдают. Хотим ли мы оставить свою собственную, русскую стратегию самодостаточности и включиться в борьбу за выживание «по-английски» или «по-американски»? Хотим ли мы отобрать у США возможность грабить весь мир? Ведь если нет, то и смысла для нас в этой революции тоже нет.

Наша последняя русская «английская» буржуазная революция 1991 года в социальном отношении замечательна вот еще чем. В феврале 1917-го олигархи и коррупционеры, устроившие переворот, были исторически сложившимися субъектами, что хоть как-то сближало их с английскими, французскими, немецкими «коллегами», культивировавшими историческую идеологию своей избранности. Нынешняя русская олигархия текущего дня аристократичностью происхождения похвастаться не может. Это буквально такие же советские люди, как и все остальные. Их возвышение – результат чисто формального перераспределения богатств. На своем месте они оказались случайно. Приписывание им характеристик исторической буржуазии типа «предприимчивости», «способности к риску», «прогрессизма», «самодеятельности», «креативности» и т. п. – не более чем художественный вымысел, лукавое мифотворчество.

Понимание механизмов нашей революции невозможно без понимания того, кем стала буржуазия в современном мире. Современная «буржуазия» все ближе к прямому значению собственного имени – «горожане». Никакого другого смысла это слово в себе не содержит. Житель города полностью зависит от денег, все его существование основано на их обороте. Этим он всегда отличался и отличается от аристократии, духовенства, крестьянства, чье богатство и источники жизнеобеспечения не имели собственно денежной природы.

До промышленной революции государства более-менее держали города под контролем, которые тем не менее обладали определенной степенью самостоятельности, будучи центрами торговли и ремесел. Буржуазная (т. е. буквально «городская») революция вернула власть городу, в некоторой степени сблизив современное государство с античным полисом. Отсюда – новая демократия. Разумеется, такое впервые произошло не в Англии. Уже Флоренция времени Данте пережила подобное превращение, позже Венеция, Нидерланды. Но тотальное распространение получил образец именно английской революции, нераздельно связанный с мировой колониальной экспансией.

Маркс считал проблемой победившей европейской буржуазии пролетариат, социальное воплощение негативного класса, придуманного еще Гегелем. Сегодня эта проблема внутри самих европейских государств снята, общий и минимальный уровни потребления так высоки, что ни о каком пролетариате говорить не приходится. В городской эстетике (архитектуре, дизайне, моде) окончательно победил стиль пролетариата XIX века: мы живем в экстерьерах и интерьерах складов и цехов, довольствуясь их минимализмом и прагматизмом. Пролетариат полностью втянулся в буржуазию и стал полноправным горожанином. Таков сегодня любой человек, включенный в современную деятельность, хоть собственник бизнеса, хоть работающий по найму. Различаются только уровни потребления. Но здесь есть эквивалент, уравнивающий принцип: и «Фиат», и «Бентли» – в равной мере автомобили.

Единственный смысл революции 1991 года – это смена принципа распределения богатств. С радикально социалистического – через государственное планирование – на либеральный: кто сколько урвет.

Но что обеспечивает общий высокий уровень потребления – от «Фиата» до «Бентли»? Пресловутая «эффективность» капиталистического способа производства? Единственная разница между социалистическим и капиталистическим предприятием только в том, что при реальном социализме лишние (незадействованные, ненужные для деятельности) люди содержатся в коллективах предприятий, а не в общественных резерватах. А эффективность технологий одинакова в любой точке планеты.

Высокий уровень потребления в государстве может быть обеспечен только опережающим притоком ресурсов извне. Механизмы обеспечения этого притока лишь модернизировались, но не изменились по сути. Сегодня это неоколониальная финансовая политика жизни в долг, который никогда не будет отдан, навязывание сырьевых и вообще специализированных экспортных специализаций странам, эксплуатация зарубежного и иммигрантского пролетариата, политическое сдерживание распространения технологий.

Революция как событие мышления

Революция – это историческое событие, заключающееся в изменении способа мышления и господствующих представлений, определяющих опыт и деятельность людей. Как событие мысли она происходит с точки зрения исторического времени мгновенно. Революция – это смена веры, смена парадигмы, господствующей догмы.

Событие революции часто ошибочно связывают с применением насилия против действующей власти. Революция – прежде всего крушение самой власти, обнуление той суммы добровольного согласия с авторитетами общественной коммуникации, которое в конечном счете и есть власть. Над нами властвует то, с чем мы согласны. Вера во что-либо, предрасудки и «идолы» **Френсиса Бэкона** и есть действительная стихия власти, в которой – вместе с освобождением философии и науки от контроля со стороны веры в Бога и десакрализацией самой власти – разразился исторический шторм.

Великая французская революция произошла не тогда, когда «народ» (то есть толпа) взял Бастилию – своеобразный дом умалишенных под охраной инвалидов, которые сами

же впустили нападавших (чтобы те не пострадали) и заплатились за это своими жизнями. Великая французская революция произошла в тот день и момент, когда участники Генеральных штатов отказались сесть в приготовленном для них зале по сословиям, перешли в частное здание, а именно – в зал для игры в мяч (по-нашему, спортзал), в пустое пространство. Стоя, то есть будучи на одном уровне и смешавшись между собой, они назвали себя единым «народом» Франции. Возник новый субъект.

Консенсус, то есть мыслительное согласие, коллективный синхронный мыслительный акт, отрицающий необходимость государства и захватывающий общество, и есть революция. Проходит он бескровно и даже тихо, с мирным воодушевлением. Разруха и кровопролитие начинаются после, когда лишенный идеального организующего начала – государства – социальный организм превращается в материю, природное образование.

Февральская революция в России совершилась в момент, когда Николай II согласился с мнением своих генералов о необходимости отречения, превратив заговор в революцию. Все остальные события (как правило, кровавые) уже не были собственно революцией, но ее социальными последствиями. Что было немислимо и невозможно – теперь мыслимо, возможно и даже должно. Что существовало и было вечным, теперь более не существует и даже несущественно.

Философское осмысление механизма любой революции наиболее рельефно дано в осмыслении исторического развития одного из самых догматичных видов мышления – научного, принадлежащего к религиозному типу мысли. Общеизвестная современная методология науки описывает научную революцию как смену комплекса догматических представлений. Революция социальная, как и научная, – это смена парадигмы.

Социальная революция происходит как смена социальной парадигмы, онтологии, метафизики – картины существования социального мира, лежащей в основе устройства власти и государства. Такая картина для людей, включенных в социальную систему, необходимым образом имеет характер веры. Вера эта обладает равной силой и для «низов» – «масс», и для «верхов» – «элит». И те и другие ее меняют. Рушится и вся система социального знания, консолидированного социальной верой, онтологией прошлой власти. Правящий класс перестает знать, как править, а управляемый – как подчиняться. Правящий класс лишается своей идеологии, а управляемый – утопии. Эта система социального знания, структурирующая общество и обеспечивающая социальную организацию, не появляется сразу после провозглашения новой веры. Поэтому революционное общество – это общество, полностью избавившееся от государства на какое-то время. Сами революционеры никогда новое государство не строили и на это в принципе не способны. Его строят другие – те, кто революцию прекращает: Кромвель, Наполеон, Сталин.

У революции нет авторов. Сами мятежники – это недовольные, социальные маргиналы, часто террористы, иногда даже носители нового типа мышления (гости «из будущего»), но производит их революционный исторический процесс. Они – дети революции, а вовсе не наоборот. Даже если всех их истребить в какой-то момент, они рождаются (воспроизводятся) вновь. Российскому государству, которое довольно долго в своей истории боролось именно с революционерами, полагая их субъектами, а не с революционным процессом, это хорошо известно. По существу, между декабристами и разночинцами нет никакой внутренней содержательной связи, кроме воспроизводства самого явления недовольства. Советская идеология истории вынуждена была выстраивать связь разных поколений революционеров мифологически («декабристы разбудили Герцена», который «развернул агитацию»). Впоследствии революционеры могут представлять дело так, что революцию «совершили» именно они, но это не более чем пропаганда и самовнушение.

Революции являются естественными процессами, процессами исторического самодвижения (развития) мышления. Они приводят к формированию новых исторических субъ-

ектов, которые не надо путать с самими революционерами. В этом принципиальное отличие революций от захвата власти, государственных переворотов, которые производятся как предельно искусственное, целенаправленное действие четко очерченной группы людей и являющейся историческим субъектом – до и после переворота.

Естественный характер революционного процесса хорошо понимали русские консерваторы, крайние правые, осмысляя его – в совокупности с фактом непонимания этого же властью – как неизбежность революции.

Революция и контрреволюция

Николая II отстранили от власти и лишили трона вовсе не русские социал-революционеры, не террористы, не большевики, а широкая либеральная оппозиция. Надо думать, ее подавляющее большинство вообще не представляло себе исторической сути происходившего в стране. Это большинство, безусловно, выражало интересы специфической русской буржуазной олигархии, обожавшей военные поставки, и одновременно являлось носителем новой на тот момент социалистической европейской светской веры. Противоречивость такого комплекса представлений очевидна.

Поэтому нет ничего странного в том, что возникшее Временное (и вправду временное) правительство само за восемь месяцев разрушило остатки власти и государства в России. Власть обнулилась, Россия полностью превратилась в революционное общество без государства.

Только тогда власть взяли прагматики, «профессиональные революционеры» (то есть вовсе и не революционеры), имевшие Марксову рабочую теорию общественного устройства и боевую организацию. «Красные» оказались обладателями оснований для построения социального знания нового правящего класса. Им стала государственная бюрократия, освобожденная от сословных ограничений самодержавия, – по сути, основа идеального государства **Макса Вебера**.

«Красные» стали новым субъектом истории, рожденным революцией. Именно они строили новое Российское государство. В исторической борьбе с «белыми», с либеральной оппозицией государству как таковому «красные» победили благодаря реальному (не словесному) патриотизму – установке на преодоление революции, на создание действительного государства, а не на его фактическое разрушение. А также благодаря обладанию основами самого современного социального знания, способного быть идеологией, знанием о новом управлении обществом. «Красные» не побоялись спроектировать новое Российское государство. Правящим классом стала проектная бюрократия, больше известная как Коммунистическая партия большевиков.

Стремительно развивавшийся в России крупный капитал пошел в атаку на Российское государство еще до 1917 года. Процесс фактического отстранения царя (и династии) от власти зашел очень далеко уже к 1905 году, что выразилось не только в волне восстаний, недовольств и согласия монарха на созыв Государственной думы, но и в ходе и результатах Русско-японской войны. Степень коррупции в военном руководстве стала угрожающей. Повторение этого явления мы видели в современной России в ходе т. н. первой чеченской войны. Институты правящей династии мешали российской крупной буржуазии «зарабатывать», т. е. получать сверхприбыли. Коррупция и вообще диктат «интересов» захватили и Госсовет, и правительство, и военных. Полным ходом шел процесс подчинения Российского государства, представлявшего собой восточно-христианскую империю, финансово-промышленному капиталу, освоившему в ходе Английской и Французской революций практику превращения государства из формы организации общества и системы контроля над ним в орудие самого общества, в оружие правящего класса.

Война 1914 года с Германией была нужна в России прежде всего русским олигархам для извлечения сверхприбылей и для контроля над государством. Переход войны в крушение государства и власти был детально предсказан Дурново в его записке Николаю II в феврале 1914 года в виде развернутого тактического сценария за полгода до начала катастрофы. Все было известно. Не говоря уже о стратегических требованиях Столыпина двадцати лет «спокойствия» для России. К войне толкали и «союзники» России, прежде всего Англия и Франция. Николай II покорился Судьбе, т. е. неизбежной Революции еще в 1914-м. А выглядело все так, что мы вступились за сербов.

Неудивительно, что когда осенью/зимой 1916-го русская армия во главе с императором одержала решительные победы, а перспектива укрепления царской власти, ее легитимности, как сказали бы сегодня, стала в результате весьма реальной, устранение императора и самодержавия стало насущной необходимостью. В этом интересы русской олигархии, либеральной оппозиции, в том числе среди генералитета, а также и Германии полностью совпадали. Так родился февраль 1917-го.

Утопический характер воззрений широкого спектра революционеров всех социальных категорий выявился очень быстро. Что делать, они не знали. Точнее, они делали только то, что давно хотели, но не то, что было нужно и должно.

Взятие власти большевиками в октябре 1917-го было основано на возвращении к решению самых насущных задач выживания государства – прекращения войны с Германией, устранения врагов государственной власти (разумеется, уже новой, поскольку старая самодержавия ликвидировалась). В сущности, уже в этот момент некоторые большевики перестали быть революционерами – в силу самоопределения. Революция свершилась – революционеры больше не нужны. Эсеры (как и многие другие) этого понять не смогли, и им пришлось уйти с исторической сцены.

Большевики никогда не занимались до этого проектированием новой России. У них не было такой задачи до окончания революции. Они решали насущные проблемы революционной борьбы и укрепления боевой партийной организации. Такая организация могла быть в дальнейшем преобразована в группу власти. В практике ее работы выросли кадры, способные нести бремя реальной исторической работы по строительству государства. Большевики овладели эффективной социологией буржуазного общества, в совершенстве манипулировали догматикой светской веры в социализм-коммунизм. Проект же реального социализма-коммунизма, который нужно было построить «в одной отдельно взятой стране», еще только предстояло разработать. Эта работа называлась «революционной» лишь по словесной инерции. Реально эта деятельность стала контрреволюционной, была направлена на уничтожение революционеров и свертывание революционного общества. В этом суть «красного проекта» в отличие от целей левого движения.

Прямым продолжением революции для революционеров-утопистов – т. е. для «белых», широкой либеральной оппозиции государству – стала Гражданская война. «Красные» же вели войну за восстановление власти и государства. Замечательно, что Ленин, в первую очередь как вождь именно Революции, уже был не очень к месту в этой ситуации. Скорее всего, он это понимал. Его болезнь и смерть сразу после окончания Гражданской войны очень «логичны» и «своевременны», как в будущем будет очень «логична» и «своевременна» смерть Сталина. Инерция революционной утопии и фразеологии войдет в углубляющиеся противоречия с практикой проектирования и строительства реального социалистического государства, экономики и общества, будет преследовать социалистическую Россию в течение всего срока ее жизни и станет одной из причин ее падения.

Проектировщиком, а не революционером выступил новый государь – Иосиф Сталин, прошедший долгий путь выживания и отбора, подлинную школу власти XX века. Ему и самому еще пришлось преодолевать инерцию революционности и утопизма, фактически

начать и провести контрреволюцию, создать условия для утверждения новой парадигмы власти. Контрреволюция означала для «старых большевиков», не желающих отказываться от революционного образа жизни, безжалостное историческое уничтожение, так как утверждались новое государство и новая социальная реальность.

Контрреволюция в большевистской России стартовала в 1928 году как во внутренней политике, так и во внешних отношениях. Революция свергивалась, а модернизация и проектирование государства – разворачивались. Однако полностью прекратить революционные процессы и вернуться к реалистическому консерватизму правящая коммунистическая бюрократия не смогла.

Государство и революция

Сегодня ясно, что СССР как государство не сумел за 70 лет своего существования завершить дело Великого Октября – антифевральскую контрреволюцию, так и оставшись в рамках ее светской «ереси» – коммунистической веры. Коммунистическая религия не позволила понять и удержать результаты реального исторического творчества, развития российской государственности как таковой.

Репрессии – направленные на завершение революции социальные контрреволюционные меры – были осуждены как деятельность государства и лично Сталина как государя. А ведь в них принимал участие весь народ и не только в порядке одобрения. Репрессии осуществлялись самим обществом как продолжение борьбы революционеров и контрреволюционеров, а в значительном объеме за счет механизма коммунальных конфликтов (без примеси какой бы то ни было политики) как обеспечение власти при слабом государстве. Ведь и сама власть после периода полной революционной анархии восстанавливалась сначала за счет террора. А при последовательной реализации государственной политики не столько осуждению, сколько историческому осмыслению должна была быть подвергнута именно революция, ее жертвы и последствия. Но это было невозможно – в полном противоречии с действительной практикой государственного строительства Революция обожествлялась.

Все реальные достижения государства при этом всегда умалялись самой же революционной верой в «еще более светлое будущее», а потому не могли быть положены как настоящее, как наличная и самоценная данность, как предмет перепроектирования, продолжения проектирования.

В истории СССР можно выделить несколько волн политических контрреволюционных усилий: Гражданская война, НЭП, подготовка к мировой войне, сама Великая Отечественная, последовавшее восстановление народного хозяйства. В этих периодах можно увидеть несколько системных попыток укрепить государство и построить механизмы его воспроизводства. Соратники по мировой революции справедливо отмечали эти события как отступление от идеалов «марксизма-ленинизма». Но были и революционные «возрождения» – такие как «перегибы» коллективизации, хрущевский революционизм.

При этом тот факт, что СССР есть наследник Российской империи, не был нормативно оформлен, хотя Великая Отечественная война эту историческую преемственность во многом фактически восстановила. А ведь для воспроизводства государства это необходимый и неизбежный исторический момент. Он не был принципиально и осознанно пройден, как не пройден он и сейчас.

В целом можно констатировать, что благодаря противоречивой революционной идеологии власти и застывшей коммунистической светской вере политическое развитие государства после смерти Сталина стало все больше отставать от интенсивного экономического и культурного развития страны.

Перестройка стала проявлением кризиса светской веры в коммунизм. Вот тут бы и вспомнить об истории пятисотлетней России (с момента создания царства, царя и бюрократии государем Иваном Грозным). Однако русского ума для этого не хватило. Коммунистическую веру заменил импорт либерально-демократического мифа, проводником которого без сомнений был М. С. Горбачев вместе с большей частью верхушки партийного руководства.

Западное общество вновь идеологически сдвинуло нас назад, от «октября» к «февралю» 1917-го. Результат был известен заранее: исторически – снова безвластие, анархия и снова «Временное правительство». Снова та же безумная Государственная дума, та же неуправляемая война – на этот раз в Чечне с перспективой разрастания на весь Кавказ. По существу, это та же тактика наших европейских конкурентов поддержки революции в Российской империи, которая должна привести Россию к поражению в мировой войне. А поражение в этой войне есть не что иное, как историческое уничтожение. Эта ситуация в XX веке никогда не снималась с повестки дня, актуальна она и сегодня.

Конечно, никто у нас после краха собственной социальной веры в чужую светскую веру исторически надолго не уверует. Однако не стоит обольщаться. Интенсивность демократической пропаганды очень высока, эта пропаганда обладает преимуществами легитимности. Есть средство и против нашего собственного исторического опыта – нужно до предела оболванить новые поколения, лишить их возможности получать элементарное образование и действительные исторические знания. Необходимые демонтаж образования и интенсивные действия, направленные на деградацию будущих поколений, проводятся в рамках либеральной культурной политики. Так что мы по-прежнему находимся в ситуации революционного общества с очень слабым центром власти и неопределенными характеристиками необходимого нам государства.

Мировая буржуазная революция

Буржуазная революция 1985–1991 гг. в Россию была импортирована. Как и в 1917-м. Впрочем, как и во Францию 1789-го. Правда, тогда потребовалось существенно больше времени, французское Просвещение почти полтора столетия переписывало английских сенсуалистов-натуралистов. В XX веке англо-американская пропаганда справилась с нами менее чем за полвека. Есть и другое несомненное достижение.

В этот раз экспорт революции был осуществлен не просто в одну страну, пусть и большую. Под удар удалось поставить всю Восточную Европу, а также Латинскую Америку. То есть весь мир европейской цивилизации. А вот экспорт революционного процесса в Китай не удался. В 1989 году Поднебесная ответила на попытку «либерализации» событиями на площади Тяньаньмэнь, без всяких сантиментов расстреляв мятежных студентов. Так же, как Наполеон расстреливал уличные толпы в революционном Париже из артиллерийских орудий силами регулярной армии (это было нововведением, с которого Наполеон и начал делать свою карьеру, – этому судьбоносному моменту в жизни Бонапарта посвящены его широко известные портреты на Аркольском мосту).

Восприятие нами Вашингтонского глобального либерального буржуазного консенсуса в 1989–1991 гг. (как и социалистическо-коммунистического консенсуса в 1905–1917 гг.) ясно обнаруживает нашу историческую судьбу как социума, входящего в популяцию исходных носителей европейской цивилизации. Вот Азия, Китай в Вашингтонский консенсус не поверили, а мы – вместе с бывшими латинскими колониями – поверили. Этот консенсус нас всех разорил, но мы от него не отказались до сих пор. Это нельзя объяснить только политической силой Вашингтона.

Поэтому мы обречены на борьбу в первую очередь с другими «евроцивилизованными» государствами внутри их популяции за свое выживание, а в составе всего евроальянса – с

остальным неевропейским по происхождению миром, вооруженным европейскими экономическими и технологическими орудиями. Попытка выйти из альянса в сторону какой бы то ни было «азиатской» судьбы будет ничем не оправдана. У нас там нет никакой почвы и никакой истории. Оставаясь же в альянсе европейского цивилизационного ядра, мы сможем выжить, только либо захватив лидерство, либо сумев завоевать особое исключительное положение (на чем всегда и стояла Россия). И то и другое требует ясного исторического понимания сути судьбы всех государств европейского цивилизационного корня.

Гипотеза заключается в том, что идея мировой революции, высказанная многими теоретиками и практиками европейского развития еще в начале XX века, вовсе не была утопической. Нужно лишь понимать мировую революцию на обязательном первом этапе как буржуазную. Тогда экспорт буржуазной революции – закономерность, а лидерство англо-американских государств – следствие их первенства в этом процессе, а позже в управлении этим процессом. Пора и нам брать его (управление процессом) в свои руки.

Мировой же социалистический порядок возможен только после максимального распространения по миру буржуазного революционного процесса, возникновения мирового революционного общества, «растворяющего» в себе национальные государства. Это и есть природа нарастающего глобального кризиса европейской цивилизации. Надо лишь добиться того, чтобы другие государства, и в первую очередь США, «растворились» раньше нас. Есть основания считать, что известная группа неоконсерваторов (начиная с Буша-младшего), сформировавшая политику США сегодняшнего дня, придерживалась подобных взглядов, будучи фактически постмарксистской группой по своим философским основаниям.

Другими словами, непродуктивно и неэффективно рассматривать российские революционные события 1985–1989 – 1991–1993 годов как национальные (что было верно для Англии XVII века, для Франции XVIII и даже почти верно для России начала XX). Мы вошли в XXI век участниками мирового буржуазного революционного процесса, осуществляемого альянсом стран европейской цивилизации под руководством ее англосаксонской ветви.

Если буржуазные революции в одной отдельно взятой стране преследовали цель ликвидировать исторически сложившееся абсолютистское государство, развитую монархию, глядя на это государство «изнутри» – с национальной точки зрения, то для мировой буржуазии (олигархии) любое государство в поле ее мировой (глобальной) активности находится извне, является внешним субъектом. И в этой «извне-данности» государство ничем не отличается от монархий, ограничивавших национальную буржуазию в отдельных странах прошлого, но уже без всякой национальной специфики. Поэтому мировая буржуазия стремится к тотальному уничтожению всех исторически сложившихся государств, невзирая на конкретную форму их правления. Она стремится уничтожить историческую сущность этих государств – их суверенитет. При этом ей совершенно безразлично, автократия перед ней или демократическая республика.

Идея мировой буржуазной революции – в ликвидации истории как актуального фактора, в создании всех государственных конструкций заново – как управленческих инструментов, не имеющих собственного исторического содержания, собственной онтологии, подчиненных внешнему и непубличному управляющему. В этом смысл Вашингтонского консенсуса как полного экспортного пакета мировой буржуазной революции. Он есть глобальная политическая программа. Не «экономика» должна подчиняться государству, а государство – «экономике», то есть буржуазному сверхобществу. И чем меньше будет в мире этого государства, тем лучше. Заметим, что тезис исторического уничтожения государства написан как на знаменах либеральной светской веры, так и коммунистической.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.